

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» (399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, 1).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-85189 от 17 апреля 2023 года)

Члены редакционной коллегии:

Сафронова Елена Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия) – главный редактор.

Чернышева Юлия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия) - ответственный секретарь, технический редактор.

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой юриспруденции им. В.Г. Ермакова ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия).

Аристов Евгений Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и административного права ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия).

Васильев Антон Александрович, доктор юридических наук, профессор, директор юридического института ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (Барнаул, Россия).

Голик Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (Москва, Россия).

Карлуш Кете Жорже, доктор права (PhD), профессор государственного Университета Агостиньо Нето и Католического университета Анголы (г. Луанда, Республика Анголы).

Кузьменко Элла Юрьевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (Тамбов, Россия).

Кургузкина Елена Борисовна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия (Центральный филиал) (Воронеж, Россия).

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород, Россия).

Пабло Чан Ибарра Ан Пин, доктор права (PhD), профессор Университета Латинской Америки (UDLA, Эквадор).

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Санка Мохаммед, доктор права (PhD), лектор центра исследований мира и безопасности факультета устойчивого развития Университета исследований в области развития (Тамал, Республика Гана)

Таболин Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор факультета права Департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия).

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления (Ростов-на-Дону).

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западного государственного университета» (Курск, Россия).

The founder and the publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bunin Yelets State University» (399770, Lipetsk region, Yelets, st. Komunarov, 28, 1).

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. (Registration number: PI № FS77-85189 of 17, April 2023).

The editorial board:

Safronova Elena Viktorovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia) – Editor-in-chief.

Chernysheva Yuliya Andreevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia) - Executive Secretary, Technical editor.

Alontseva Dina Viktorovna, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia).

Aristov Evgenii Vyacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the department of constitutional and administrative law Perm State National Research University (Perm, Russia).

Vasiliev Anton Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute of the Altai State University, Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Altai State University (Barnaul, Russia).

Golik Yuri Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Carlos Kete Jorge, Doctor of Law (PhD), Professor at the Agostinho Neto State University and UCAN (Luanda, Republic of Angola)

Kuzmenko Ella Yuryevna – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin (Tambov, Russia).

Kurguzkina Elena Borisovna, Professor of the chair of Criminal Procedural Law, Doctor of Law, Central Branch of the Russian State University of Justice (Voronezh, Russia).

Marina Vasilyevna Markhgeym, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University» (Belgorod, Russia).

Pablo Chan Ibarra An Ping, Doctor of Law (PhD), Professor at the University of Latin America (UDLA, Ecuador).

Pashentsev Pashentsev Dmitry Alekseevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Research Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Sankah Mohammed, Doctor of Law (PhD), Lecturer at the Center for Peace and Security Studies of the Faculty of Sustainable Development of the University of Development Studies (Tamal, Republic of Ghana)

Tabolin Vladimir Viktorovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Faculty of Law of the Department of Public Law Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Shatkovskaya Tatiana Vladimirovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law South-Russia Institute of Management –

branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Rostov-on-Don, Russia).

Sheveleva Svetlana Viktorovna, doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law of Southwestern State University (Kursk, Russia).

ISSN 2949-3293

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Литвинов В.П. Декларативные задачи проекта «Один пояс – один путь» – формула будущего по-китайски.....	8
Санка Мохаммед. Империализм и международное право: историко-правовые аспекты.....	18
Шайрян Г.П. Катехон Третьего Рима и наследственное самодержавие.....	25

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Лаврищева О.А. Реализация права на досрочные страховые пенсии по старости в связи с работой в особых (производственных) условиях труда.....	35
Мархгейм М.В. Феномен интереса в Советской конституционно-регулятивной призме.....	42
Назрицкая Т.С. О субъекте прав, защищаемых прокурором в арбитражном процессе.....	49
Новикова А.Е. Права человека в деятельности органов местного самоуправления: конституционные основания правозащитных сопряжений.....	53
Перепелица М.А., Калягина В.О. Понятие деловой репутации и репутационного вреда: проблемные аспекты.....	60
Перепелица М.А., Шачков Г.В. К вопросу о содержании и функциях предпринимательского риска в доктрине гражданского права.....	68

Уголовно-правовые науки

Перепелица М.А., Каюков В.А. Криминализация деяний как уголовно-правовая мера в механизме обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.....	75
Пряжников П.В., Алонцева Д.В. Гарантии прав личности в системе обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации.....	83

НАШИ АВТОРЫ	97
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	101

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

Litvinov V.P. Declarative objectives of the "One belt, one road" project - the chinese formula for the future.....	8
Sankah Mohammed Imperialism and international law: historical and legal aspects.....	18
Shayryan G.P. THE Catechon of the Third Rome and hereditary autocracy.....	25

Public law (state law) sciences

Lavrishcheva O.A. Realization of the right to early old-age insurance pensions in connection with work in special (industrial) working conditions.....	35
Markhegym M.V. The phenomenon of interest in the Soviet constitutional and regulatory prism.....	42
Nazritskaya T.S. About the subject of the rights protected by the prosecutor in the arbitration process.....	49
Novikova A.E. Human rights in the activities of local self-government bodies: constitutional grounds for human rights relations.....	53
Perepelitsa M.A., Kaliagina V.O. The concept of business reputation and reputational harm: problematic aspects.....	60
Perepelitsa M.A., Shachkov G.V. On the issue of the content and functions of entrepreneurial risk in the doctrine of civil law.....	68

Criminal Law Sciences

Perepelitsa M.A., Kaukov V.A. Criminalization of acts as a criminal law measure in the mechanism of ensuring economic security of the Russian Federation.....	75
Pryazhnikov P.V., Alontseva D.V. Guarantees of individual rights in the national security system in the context of digitalization.....	83

OUR AUTHORS	97
--------------------------	----

FOR THE AUTHOR'S INFORMATION	101
---	-----

ДЕКЛАРАТИВНЫЕ ЗАДАЧИ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» – ФОРМУЛА БУДУЩЕГО ПО-КИТАЙСКИ

В.П. Литвинов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина (Елец, Россия);
Институт стратегического анализа и прогноза КРСУ им. Б.Н. Ельцина
(Бишкек, Кыргызстан)
vladlenli@yandex.ru

Резюме. В статье анализируется проблема обусловленности задач внешнеполитической стратегии «Одни пояс - один путь» с внутренними проблемами Китая. В статье автор оценивает основные задачи в рамках проекта ОПОП, отмечая, что данная внешнеполитическая стратегия является системным мегапроектом, имеющим в своей основной структуре большое количество взаимосвязанных между собой задач, подчиненных общей стратегии, поэтому данный проект преследует несколько целей как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических. В условиях замедления экономического роста, проблем перепроизводства и избытка промышленных мощностей, усиливающейся тенденции непропорционального развития регионов, а также вызовов в сфере безопасности и нарастания кризиса с США Китай предложил новую геополитическую стратегию – ОПОП. Предпринимаемый Китаем проект призван стать системной моделью взаимоотношений между странами в экономической, социальной и культурной областях. Его главная внешнеполитическая цель заменить существующую на данный момент модель, которая основана на гегемонии Запада. Автор исходит из того, что выдвижение инициативы ОПОП является необходимым условием решения как внешних, так и внутренних проблем Китая. По мнению автора, проект ОПОП реализует планы долгосрочной внутривнутриполитической стратегии Китая, которая была сформулирована еще главным архитектором китайских рыночных реформ Дэн Сяопином в далеком 1980 г.

Ключевые слова: проект «Один пояс – один путь», внешняя политика, Китай, Синьцзян-Уйгурский автономный округ (СУАР), внутренние проблемы Китая
DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-8-17

DECLARATIVE OBJECTIVES OF THE "ONE BELT, ONE ROAD" PROJECT – THE CHINESE FORMULA FOR THE FUTURE

Vladimir P. Litvinov

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Institute of Strategic Analysis and Forecast of B.N. Yeltsin KRSU
(Bishkek, Republic of Kyrgyzstan)

Abstract. The article analyses the problem of how the objectives of the One Belt, One Road foreign policy strategy relate to China's domestic problems. In the article, the author analyses the main tasks of the One Belt, One Road project, noting that this foreign policy

strategy is a systemic megaproject with a large number of interrelated tasks subordinated to the overall strategy, so this project pursues several objectives, both foreign and domestic. In the face of slowing economic growth, overproduction and overcapacity problems, the increasing trend of disproportionate regional development, as well as security challenges and the growing crisis with the United States, China has proposed a new geopolitical strategy - One Belt, One Road. China's project is designed to become a systemic model of relations between countries in the economic, social and cultural spheres. Its main objective is to replace the current model, which is based on the hegemony of the West. The author's premise is that the establishment of the One Belt, One Road initiative is a prerequisite for solving both China's external and internal problems. The One Belt, One Road project implements the plans of China's long-term strategy, which was formulated by Deng Xiaoping, the main architect of China's market reforms, back in 1980.

Keywords: One Belt – One Road project, foreign policy, China, Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR), China's internal problems

Реализация любого проекта предполагает наличие цели и задач, которые он призван осуществить. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» (далее ОПОП) является системным проектом или, как говорят современные экономисты, «зонтичным», имеющим в основной структуре большое количество взаимосвязанных между собой целей, подчиненных общей стратегии, поэтому данный проект преследует несколько целей как внешнеполитических, так и внутривнутриполитических. Инициатива ОПОП является программной стратегией Коммунистической партии Китая и лично Си Цзиньпина [14, p.167]. По мнению китайского политолога Суйшена Чжао, Си Цзиньпин начал новую эпоху китайской внешней политики, в которой преобладает стремление разрушить гегемонию Запада и вернуть Китаю ведущую роль на мировой арене [18].

Китайские идеологи позиционируют мегапроект ОПОП как символ общения Востока и Запада, как воссоздание исторической культурной модели взаимодействия цивилизаций, способной на новом витке исторического развития придать новые импульсы для подъема мировой экономики, межкультурного взаимодействия и культурного обмена. Одной из основных целей, согласно стратегии проекта, является то, что «Проект даст возможность странам, расположенным по Шёлковому пути, скорректировать свою экономическую политику в сторону более масштабного, высокоуровневого и глубокого регионального сотрудничества, совместно сформировать структуру открытого, толерантного, сбалансированного и всем выгодного регионального экономического сотрудничества» [7, с. 256]. В связи с этим страны-участницы проекта должны согласовать свои национальные стратегии, скорректировать их с целями и задачами этого мегапроекта. Как отмечают эксперты, участие в реализации планов ОПОП позволит стимулировать внутренний экономический рост в большинстве стран, участвующих в его осуществлении. [9, p. 9-10]. Принципы сотрудничества в рамках проекта предполагает соблюдение уставных принципов ООН и основных международных договоренностей в плане соблюдения суверенитета и территориальной целостности, а также невмешательства во внутренние дела стран, относящихся к проекту. Основные положения ОПОП предполагают соблюдение правил функционирования мирового рынка и соблюдение принципа взаимной выгоды. Кроме того, проект осуществляется на принципе «открытых дверей», т.е. любая из заинтересованных стран или международных организаций может подключиться к нему. По данным на начало 2024 г., более 150 стран в той

или иной степени интегрированы в проект ОПОП, инициативой Китая охвачены все континенты, исключение составляет лишь Северная Америка¹. Авторы проекта декларируют: «Следование принципам согласия и толерантности. Выступление за инклюзивность разных цивилизаций, уважение выбора пути и модели развития каждого государства, активизирование межцивилизационного диалога, стремление к общности при сохранении различий, заимствование всего полезного друг у друга, осуществление мирного сосуществования и общего процветания» [7 с. 257].

В 2023 проект ОПОП отметил свой первый юбилей. Это хороший повод подвести его предварительные итоги. По этой причине особую актуальность приобретает осмысление задач и приоритетов проекта ОПОП, поскольку из того, что заявлено и сделано за этот период, уже можно представить себе основные претензии и притязания Китая. Как правило, современные исследователи стратегических планов Китая концентрируют внимание на внешнеполитических аспектах этой проблемы, что, конечно же, важно, однако это не дает полной картины происходящего. На наш взгляд, не менее важной проблемой являются те изменения, которые происходят в самом Китае. Мы полагаем, что именно они являются истинными причинами этой внешнеполитической стратегии Китая. Поэтому в качестве основной гипотезы исследования выступает убеждение автора в том, что кроме основных внешнеполитических задач в рамках стратегии ОПОП, Китай достаточно эффективно решает и свои внутренние проблемы. Для подтверждения своей гипотезы и решения исследовательских задач автор избрал структурно-функциональный подход, позволяющий рассматривать происходящие процессы как внутри Китая, так и за его пределами в органическом единстве тех целей и задач, которые заявлены в проекте ОПОП.

Тема Китая, особенно то, что касается его стратегической инициативы ОПОП, является на сегодняшний день одной из самых популярных в научных и экспертных сообществах во многих странах. Рассматриваемая нами проблематика нашла частичное отражения в научных работах российских [5, 8, 2, 4, 6 и др.] ученых и экспертов. Российских исследователей, в первую очередь, интересуют китайская инициатива ОПОП в контексте успешно развивающихся отношений с Россией и постсоветскими государствами. Зарубежные исследователи [10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и др.], как правило, анализируют проблему расширения геополитического влияния Китая.

Надо отметить, что в ряде крупных российских университетских центров на сегодняшний день сложились целые научные школы, занимающиеся проблемами китайской инициативы. Таким образом, нельзя сказать, что проблематика ОПОП не получила должной исследовательской рефлексии. Однако автор в предпринятом исследовании попытался посмотреть на проблему решения стратегических задач проекта ОПОП в контексте решения внутренних проблем Китая.

Основные направления маршрутов экономического проекта ОПОП направлены на создание континентального моста между Европой и Азией. Предполагается создать несколько веток маршрутов из Китая: первая ветка – через Центральную Азию и Россию до Европы; вторая ветка – через Центральную и Западную Азию, дальше через Персидский залив и Средиземное море на юг Европы; третья ветка – через Южную и

¹ Collecting data on Membership in the Belt and Road Initiative - Analyzing the BRI// <https://bri-project.github.io/posts/2022/03/blog-post-22-001/>

Юго-Восточную Азию к Индийскому океану. Данная ветка направлена на сотрудничество со странами Индо-Тихоокеанского региона и Африкой. Китайский эксперт Х. Ван отмечает, что железнодорожные маршруты экономического пояса Шелкового пути значительно сокращают путь китайских товаров на рынки Ближнего Востока и Европы, что должно обеспечить им преимущества [3, с. 24].

В пределах основных маршрутов идет строительство и реорганизация транспортной и логистической инфраструктуры под задачи проекта, формируются особые инвестиционные и таможенные правила, создаются зоны свободной торговли. В проект вовлечены страны с разным уровнем обеспечения природными ресурсами, поэтому одна из задач проекта – строительство транспортной инфраструктуры с целью создания равного доступа к ресурсам для всех стран-участниц проекта. Что касается задач реализации и содержания самого проекта, то очевидно, что при такой масштабности мега-проекта ОПОП существует несколько крупных задач, определяющих стратегические направления, а также подчиненные задачи, которые носят вспомогательный характер. Крупные задачи проекта формируют его стратегические направления и содержание проекта.

Одной из крупных задач проекта является политическая координация, которая является важной гарантией для Китая реализации всех намеченных планов. При этом ряд экспертов отмечают, что страны, вовлеченные в проекты ОПОП, будут вынуждены искать компромисс между экономическим развитием и политической независимостью. Западный эксперт Ф. Буранелли, рассуждая об агентском статусе государств Центральной Азии, отмечает, что «центральноазиатские республики чаще всего рассматриваются как территория, на которой будет реализован проект, а не как активные участники в его реализации» [10, р. 233]. Ряд зарубежных экспертов, особенно западных, отмечают, что Китай использует дипломатию долговых ловушек в отношении небольших государств со слабыми экономиками [16, 17]. Другая часть экспертов, считает, что данная проблема в значительной степени преувеличена и разгоняется западными СМИ в качестве «страшилки» [12, 13]. В любом случае сегодня сотрудничество Китая со странами, вовлеченными в стратегию ОПОП, еще не выглядит угрожающим для слабых в экономическом плане государств. Китай в рамках данного проекта старается действовать по объявленным правилам, укрепляет межправительственное сотрудничество со всеми странами-участницами, создавая для этого различные механизмы и платформы. Но уже сегодня очевидно, что Китай как главный инициатор проекта будет пытаться координировать и корректировать стратегии развития стран, подгоняя их под общие задачи проекта ОПОП. Надо отметить, что власти Китая весьма изобретательны в своих методах и подходах. Во-первых, создаются различные региональные объединения, в рамках которых ведутся консультации и обсуждение планов развития регионов и отдельных стран. Во-вторых, Китай действует через свои финансовые институты, предоставляя деньги под проекты, которые имеют непосредственное отношение к инициативе ОПОП, в большинстве этих проектов участвуют деньги государственных банков Китая. В-третьих, китайское правительство предлагает различные программы сотрудничества под планы развития проектов в рамках инициативы ОПОП, это могут быть образовательные, культурные, туристические и иные программы. При этом целый ряд экспертов признают ограниченность пользы проектов в рамках ОПОП для широких слоев населения, поскольку их реализация сопровождается коррупцией и злоупотреблениями мест-

ных элит. Китайский эксперт Ван Х., ссылаясь на источники, утверждает, что до 30% инвестиций в рамках реализации ОПОП теряются из-за коррупции. [3, с. 26].

Важной задачей в рамках инициативы ОПОП является создание единой сети инфраструктуры, которая имеет общие технологические стандарты. Уже полным ходом идет строительство недостающих участков автомобильных и железнодорожных магистралей, расширяются узкие отрезки, ведется работа по усовершенствованию безопасности движения. Предполагается создать единую систему координации движения и стыковки грузов, при смешанном способе доставки, т.е. совмещение сухопутных и водных маршрутов. Китай вкладывает значительные средства в строительство портов и их инфраструктуры. Как отмечают эксперты, уже сегодня предпринимаемые Китаем проекты значительно расширили логистические возможности, в том числе, что касается интермодальных перевозок [19]. Создается и развивается авиационная инфраструктура, предполагается создать единые подходы и механизмы для сотрудничества в гражданской авиации. Осуществление этой же задачи предполагает создание безопасной энергетической инфраструктуры для доставки углеводородов и электроэнергии. В рамках данного проекта уже осуществляется строительство нескольких крупных нефтяных и газовых трубопроводов, часть из которых уже введена в строй, строятся трансграничные ЛЭП. Китай инициировал строительство трансграничной сети оптоволоконных линий и других видов кабельной связи.¹ Власти КНР инициируют выработку единой нормативной базы в рамках стратегии ОПОП, которая должна будет значительно облегчить международную транспортировку грузов.

Улучшение инфраструктуры подчинено другой важной задаче – устранению барьеров для трансграничной торговли и созданию благоприятного инвестиционного климата в регионах, входящих в проект ОПОП. Для этого предполагается наладить более продуктивное сотрудничество в сфере трансграничного надзора, сертификации и аккредитации продукции, решения проблем таможенного контроля и, вообще, уменьшение количества нетарифных барьеров в торговле. В рамках этих мер улучшается таможенная инфраструктура, создается единая система обмена информацией с взаимным признанием результатов таможенного контроля и карантинных сертификатов. Предполагается повысить уровень безопасности цепи поставок и развивать новые формы торговли, это особенно относится к ее трансграничной электронной формации.

Что касается инвестиций, то некоторые меры проекта призваны органически объединить их с торговлей, снять барьеры и расширить сферы для инвестиций. Китай в первую очередь интересуется созданием производственных цепочек «upstream - midstream - downstream» в нефтегазовом секторе. Китайские компании охотно вкладываются в добычу полезных ископаемых, а также в производство и переработку сельхозпродукции. Китай сегодня вкладывает большие средства в гидроэнергетику и проекты так называемой «чистой энергетики». Безусловно, особый интерес Китая направлен на приобретение новых технологий, особенно военных и двойного назначения. В декларации инициативы ОПОП говорится, что деятельность в рамках проекта призвана «развивать сотрудничество в сфере технологий, оборудования и инжиниринговых услуг по глубокой обработке энергетических ресурсов. Содействовать сотрудничеству в новых инду-

¹ Китай прокладывает цифровой Шёлковый путь из Азии через Африку в Европу// https://www.pravda.ru/news/science/1583938-cifrovoi_shelkovyi_put/ (дата обращения: 08.03.24)

стриальных отраслях в соответствии с принципом взаимодополняемости преимуществ, взаимовыгоды и обоюдного выигрыша; способствовать дальнейшему развитию углублённого сотрудничества между странами вдоль Шёлкового пути в новых промышленных отраслях...» [7, с. 262]. Ряд экспертов и исследователей считают, что китайская стратегия ОПОП может способствовать развитию зеленых технологий. С одной стороны, Китай является крупнейшим поставщиком оборудования для возобновляемой энергетики, с другой, создание Цифрового Шелкового пути должно создать условия для глобального мониторинга окружающей среды, это станет важным вкладом в реализацию Парижского соглашения [11].

Среди важных задач сотрудничества в рамках проекта ОПОП – создание условий для свободного движения капитала и формирование системы валютной стабильности. Уже сегодня значительно расширена сфера расчёта в национальных валютах и двустороннего валютного свопа, сформированы механизмы финансового сотрудничества в рамках межбанковских объединений АСЕАН и ШОС, заметно сотрудничество в создании эффективных механизмов контроля и координации средств в системе всего проекта ОПОП.

Одним из важнейших событий в решении финансовых проблем ОПОП стало создание в 2013 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Главное предназначение этого финансового института – инвестиции в инфраструктурные проекты. По сути, АБИИ является главным финансовым институтом проекта ОПОП. Уставной капитал банка 100 млрд. долл., главными акционерами банка стали Китай, Индия и Россия с соответствующей процентной долей в уставном капитале банка. Главным куратором банка является министерство финансов КНР, кроме того, Китай имеет привилегированный статус как создатель и самый крупный акционер. Общее число акционеров банка на сегодня - 89 стран. Банк позиционируется как азиатский, поскольку более 75 % его акционеров – это страны Азии (Лац, 2020, с. 556). Кроме того, в проектах ОПОП принимает участие Новый банк развития (НБР), который ранее именовался Банком развития БРИКС, поскольку учредителями банка стали страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). Каждая из стран учредителей имеет равную долю в уставном капитале банка, составляющую 19,42%. Уставной капитал банка также составляет 100 млрд. долл. Основное направление деятельности банка – поддержка инфраструктурных проектов, связанных с возобновляемыми источниками энергии. Российский исследователь А.И. Светличный полагает, что создание новых финансовых институтов развивающимися экономиками, есть не что иное, как способ уйти от зависимости Бреттон-Вудских финансовых организаций, где господствуют страны Запада [8, сс.74-75]. Сложно не согласиться с этим мнением, поскольку очевидно, что такие международные финансовые институты, как Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Международный инвестиционный банк (МИБ), Азиатский банк развития (АБР), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) вряд ли станут действовать в интересах Китая и стран, входящих в проект ОПОП. Надо полагать, что в интересы коллективного Запада не входит расширение экономических возможностей Китая и его союзников.

Кроме политических, экономических и социальных задач проект ОПОП призван решать гуманитарные проблемы. Авторы декларации проекта заявляют, что в этом плане задачи проекта ОПОП следующие: «продолжать и приумножать дух дружбы и

сотрудничества Шёлкового пути; широко развернуть культурные, научные обмены, обмены кадрами, сотрудничество со СМИ, а также контакты по линии молодежи и женщин, по волонтерским делам; заложить прочную социальную основу для углубления двустороннего сотрудничества и многостороннего сотрудничества» [8, с. 263]. В рамках гуманитарных и образовательных программ Китай наращивает обмен студентами, развивает сотрудничество с образовательными учреждениями стран, входящих в проект, открывает новые учебные заведения за рубежом. В рамках культурных программ проводятся фестивали, кинофестивали, книжные ярмарки и др. мероприятия. Укрепляется сотрудничество в сфере туризма. Еще одним аспектом сотрудничества в последние годы стал обмен информацией и технологиями для профилактики эпидемий и сотрудничество в области охраны здоровья.

Таким образом, предложенная Китаем стратегия на сегодняшний день уже объединяет большинство стран мира. Однако, несмотря на все достижения и успехи последнего десятилетия, у китайского проекта есть один существенный недостаток – отсутствие общей идеологической платформы, объединяющей страны и народы. В современном мире уже хорошо знакомы с китайскими товарами, однако культура и традиции Китая остаются бесконечно далекими и непонятными для большинства человечества. В стратегию ОПОП заложена мультикультурная модель развития, что, как нам кажется, на данном этапе себя оправдывает. При этом нельзя утверждать, что это навсегда. Для решения своих внешнеполитических задач Китаю придется наращивать свое идеологическое влияние в мире. Китай должен предложить миру новое культурное потребление и культурные достижения, альтернативные западным.

Список источников

1. Акаев А.А., Садовничий В.А. Математическое измерение мегапроекта «Один пояс – один путь» // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 8. С. 776–787. <https://doi.org/10.31857/S086958730001224-4>
2. Белова И.Н., Егорычева Е.А. Проект «Один пояс, один путь»: предпосылки к формированию современной внешнеэкономической политики Китая // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2020. Т. 28, № 3. С. 620–632. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-620-632>
3. Ван Х. Китайская инициатива «Один пояс – один путь» в Центральной Азии: проблемы и препятствия реализации // Общество: политика, экономика, право. 2022. №2. С. 23-28. <https://doi.org/10.24158/per.2022.2.3>
4. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Традиционные и новые инструменты укрепления китайского присутствия в Центральной Азии. Государственная служба. 2018. Т. 20. №5. С. 94-100. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-5-94-100>
5. Лац М. П. Российско-китайское взаимодействие в рамках деятельности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций как важная составляющая Экономического пояса Шелкового пути // Молодой ученый. 2020. № 50 (340). С. 555-558
6. Мавлонова А.С. Ислам в СУАР как фактор политической нестабильности КНР. Вестник РУДН. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 2. С. 176-186. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-176-186>

-
7. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в. (издана с санкций Госсовета КНР) март 2015 г. // Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf
http://www.riatr.ru/2015/3/Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf
 8. Светличный А.И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. №1. С. 68-88
 9. Bala Ramasamy, Matthew Yeung, Chorthip Utoktham, Yann Duval, "Trade and trade facilitation along the Belt and Road Initiative corridors", (PDF). ARTNeT Working Paper Series. 2017. No. 172, November 2017, 44 p. Bangkok, ESCAP. // <http://artnet.unescap.org>
 10. Costa Buranelli F. One Belt, One Road and Central Asia: Challenges and opportunities. In: Cheng Yu., Song L., Huang L. (ed.) The "One Belt and One Road" initiative in the global arena. Palgrave Macmillan, Singapore. 2018. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5921-6_12
 11. Johanna Coenen, Simon Bager, Patrick Meyfroidt, Jens Newig, Edward Challies. Environmental Governance of China's Belt and Road Initiative. 2021. Vol. 31, no. 1 P. 3-17. <https://doi.org/10.1002/eet.1901>
 12. Deborah Brautigam. A critical look at Chinese 'debt-trap diplomacy': the rise of a meme, Area Development and Policy. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 1-14. <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1689828>
 13. Deborah Brautigam, Meg Rithmire. There Is No Chinese 'Debt Trap' - The Atlantic // <https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/> (accessed: 06.06.2023)
 14. Dylan M H Loh. The 'Chinese Dream' and the 'Belt and Road Initiative': narratives, practices, and sub-state actors, International Relations of the Asia-Pacific. 2021. Vol. 21, no. 2. P. 167–199, <https://doi.org/10.1093/irap/lcz01>
 15. Dharmendra Kumar Shahi. Jihad and Geopolitics: A Case Study of Uyghur Separatism in Xinjiang Internat. International Journal of Applied Social. 2014. P. 136-143.
 16. Fadhat Faris, Prasetio Hari. Debt-Trap Diplomacy: Bagaimana Ekspansi Kapital China Membentuk Jebakan Utang Bagi Negara-Negara Afrika. // Area Development and Policy. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 150-176. DOI:10.26593/jihi.v18i2.5262.150-176
 17. Meredith J. De Boom. Who is afraid of 'debt-trap diplomacy'? Geopolitical narratives, agency and the multiscalar distribution of risk, Area Development and Policy. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 15-22. <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1703556>
 18. Zhao, Suisheng. The Dragon Roars Back: Transformational Leaders and Dynamics of Chinese Foreign Policy, Redwood City: Stanford University Press. 2022. 358 p. <https://doi.org/10.1515/9781503634152>
 19. Xueqin Wang, Yiik Diew Wong, Kevin X. Li & Kum Fai Yuen. Transport research under Belt and Road Initiative: current trends and future research agenda, Transportmetrica A: Transport Science. 2021. Vol. 17. no. 4. P. 357-379, <https://doi.org/10.1080/23249935.2020.1731008>
-

References

1. Akaev A.A., Sadovnichy V.A. Mathematical measurement of the megaproject "One belt – one way" // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 88, No. 8. pp. 776-787. <https://doi.org/10.31857/S086958730001224-4>
 2. Belova I.N., Egorycheva E.A. The project "One Belt, one way": prerequisites for the formation of modern foreign economic policy of China *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series: Economics*. 2020. Vol. 28, No. 3. pp. 620-632. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-620-632>
 3. Wang H. The Chinese initiative "One Belt, one Road" in Central Asia: problems and obstacles to implementation // *Society: politics, economics, law*. 2022. No.2. pp. 23-28. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.2.3>
 4. Glinkina S.P., Turaeva M.O., Yakovlev A.A. Traditional and new tools for strengthening the Chinese presence in Central Asia. *Public service*. 2018. Vol. 20, No. 5, pp. 94-100. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2018-20-5-94-100>
 5. Lats M. P. Russian-Chinese cooperation within the framework of the Asian Infrastructure Investment Bank as an important component of the Silk Road Economic Belt // *Young Scientist*. 2020. No. 50 (340). pp. 555-558
 6. Mavlonova A.S. Islam in the XUAR as a factor of political instability in the People's Republic of China. *Bulletin of the RUDN. Series: Political Science*. 2018. Vol. 20, No. 2. pp. 176-186. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-176-186>
 7. Excellent prospects and practical actions for the joint creation of the Silk Road Economic belt and the maritime Silk Road of the XXI century (published with the sanctions of the State Council of the People's Republic of China) March 2015//*Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf* http://www.riatr.ru/2015/3/Russia_and_ATR_2015-3_255-270.pdf
 8. Svetlichny A.I. Sustainable development and the New BRICS Development Bank: analysis and prospects. // *Issues of state and municipal management*. 2018. No.1. pp. 68-88
 9. Bala Ramasamy, Matthew Yeung, Chorthip Utoktham, Yann Duval, "Trade and trade facilitation along the Belt and Road Initiative corridors", (PDF). ARTNeT Working Paper Series. 2017. No. 172, November 2017, 44 p. Bangkok, ESCAP// <http://artnet.unescap.org>
 10. Costa Buranelli F. One Belt, One Road and Central Asia: Challenges and opportunities. In: Cheng Yu., Song L., Huang L. (ed.) *The "One Belt and One Road" initiative in the global arena*. Palgrave Macmillan, Singapore. 2018. https://doi.org/10.1007/978-981-10-5921-6_12
 11. Johanna Coenen, Simon Bager, Patrick Meyfroidt, Jens Newig, Edward Challies. *Environmental Governance of China's Belt and Road Initiative*. 2021. Vol. 31, no. 1 P. 3-17. <https://doi.org/10.1002/eet.1901>
 12. Deborah Brautigam. A critical look at Chinese 'debt-trap diplomacy': the rise of a meme, *Area Development and Policy*. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 1-14. <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1689828>
 13. Deborah Brautigam, Meg Rithmire. There Is No Chinese 'Debt Trap' - The Atlantic // <https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/> (accessed: 06.03.2024)
-

-
14. Dylan M H Loh. The ‘Chinese Dream’ and the ‘Belt and Road Initiative’: narratives, practices, and sub-state actors, *International Relations of the Asia-Pacific*. 2021. Vol. 21, no. 2. P. 167–199, <https://doi.org/10.1093/irap/lcz01>
 15. Dharmendra Kumar Shahi. Jihad and Geopolitics: A Case Study of Uyghur Separatism in Xinjiang Internat. *International Journal of Applied Social*. 2014. P. 136-143.
 16. Fadhat Faris, Prasetio Hari. Debt-Trap Diplomacy: Bagaimana Ekspansi Kapital China Membentuk Jebakan Utang Bagi Negara-Negara Afrika. // *Area Development and Policy*. 2022. Vol. 5, no. 1. P. 150-176. DOI:10.26593/jihi.v18i2.5262.150-176
 17. Meredith J. De Boom. Who is afraid of ‘debt-trap diplomacy’? Geopolitical narratives, agency and the multiscalar distribution of risk, *Area Development and Policy*. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 15-22. <https://doi.org/10.1080/23792949.2019.1703556>
 18. Zhao, Suisheng. *The Dragon Roars Back: Transformational Leaders and Dynamics of Chinese Foreign Policy*, Redwood City: Stanford University Press. 2022. 358 p. <https://doi.org/10.1515/9781503634152>
 19. Xueqin Wang, Yiik Diew Wong, Kevin X. Li & Kum Fai Yuen. Transport research under Belt and Road Initiative: current trends and future research agenda, *Transportmetrica A: Transport Science*. 2021. Vol. 17. no. 4. P. 357-379, <https://doi.org/10.1080/23249935.2020.1731008>

**ИМПЕРИАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО:
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ****Санка Мохаммед**Центр исследований мира и безопасности
Университета исследований в области развития
(Тамал, Республика Гана)

Резюме. Статья посвящена рассмотрению империалистических корней международного права, поскольку империалистические реалии международного права не получили должного внимания в международно-правовой науке. Автор предпринял попытку очертить историю взаимоотношений империализма и международного права с XV-XVI веков по настоящее время. С утверждением позитивизма в качестве основной юридической науки международного права в XIX веке юристы-позитивисты разработали некоторые формальные доктрины, которые использовали явно расовые и культурные критерии для определения одних государств как цивилизованных и, следовательно, суверенных, а других государств как нецивилизованных и несuverенных. Неевропейские общества были исключены из сферы международного права. Взаимное соперничество между европейскими сверхдержавами в конце девятнадцатого века потребовало коллективных усилий этих держав по сохранению колониального господства. Важным шагом в этом направлении стало сдерживание «борьбы за Африку» на Берлинской конференции (1884–1885 гг.), целью которой было «ввести аборигенов Африки в пределы цивилизации, открыв внутреннюю часть континента для торговли. Последствия Первой мировой войны привели к многочисленным изменениям в международном праве и международных отношениях. Самое главное среди изменений было денонсирование международного права XIX века, разрешающего колониальную эксплуатацию. Лига Наций попыталась сформулировать новый подход к колониям, которые теперь назывались «отсталыми территориями». Автор полагает, что в современное время империалистический язык и поведение сохраняются.

Ключевые слова: международное право, международно-правовые отношения, историко-правовые факты

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-18-24**IMPERIALISM AND INTERNATIONAL LAW:
HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS****Sankah Mohammed**The Center for Peace and Security Studies of the University of Development Studies
(Tamal, Republic of Ghana)

Abstract. The article is devoted to the consideration of the imperialist roots of international law, since the imperialist realities of international law have not received due attention in international legal science. The author has made an attempt to outline the history of the relationship between imperialism and international law from the XV-XVI centuries to the

present. With the establishment of positivism as the main legal science of international law in the 19th century, positivist lawyers developed some formal doctrines that used explicitly racial and cultural criteria to define some States as civilized and, consequently, sovereign, and other States as uncivilized and insecure. Non-European societies were excluded from the sphere of international law. The mutual rivalry between the European superpowers at the end of the nineteenth century required the collective efforts of these Powers to preserve colonial rule. An important step in this direction was the containment of the "struggle for Africa" at the Berlin Conference (1884-1885), the purpose of which was "to introduce the aborigines of Africa into the limits of civilization, opening the interior of the continent to trade. The consequences of the First World War led to numerous changes in international law and international relations. The most important among the changes was the denunciation of the denunciation of international law of the XIX century, which allowed colonial exploitation. The League of Nations tried to formulate a new approach to the colonies, which were now called "backward territories". The author believes that imperialist language and behavior persist in modern times.

Keywords: international law, international legal relations, historical and legal facts

Корни империализма

Начнем с империалистических корней международного права потому, что империалистические реалии международного права не получают должного внимания в международно-правовой науке. В дискурсах об истории колониализма гораздо больше внимания уделяется относительно недавним событиям, таким как Берлинская конференция 1884-1885 годов. Однако история империализма, безусловно, идет глубже, а империализм сыграл гораздо более важную роль в развитии международного права, чем это предполагается в подавляющем большинстве литературы. В связи с этим мы попытаемся очертить историю взаимоотношений империализма и международного права с XV-XVI веков по настоящее время.

Международное право, которое почти шестьсот лет правило европейской колонизацией, можно проследить в церковном праве и мировой истории, по крайней мере, до Крестовых походов по возвращению Святых земель в 1096–1271 годах.

Более конкретные юридические оправдания колонизации начали появляться в 1430-х годах в связи с попытками Испании и Португалии колонизировать неевропейские территории. В 1436 году Португалия убедила Папу Римского (Евгения IV) издать папскую буллу, предоставляющую Португалии исключительный контроль над Канарскими островами для цивилизации и обращения жителей Канарских островов в «единственную истинную религию» и «для спасения душ язычников островов».

По мере того, как Португалия расширяла свою эксплоацию на западное побережье Африки, она убедила Папу Римского (Николая) издать еще одну буллу. Таким образом, 8 января 1455 года Папа даровал Португалии власть:

«Вторгаться, разыскивать, захватывать, побеждать и подчинять всех сарацин [мусульман] и язычников, кого бы то ни было, и других врагов Христа, где бы они ни находились, а также королевства, герцогства, княжества, владения и все движимое и недвижимое имущество, которым бы они ни владели и принадлежали им, и низвести их личность до вечного рабства, а также...присвоить себе и своим преемникам королевства, герцогства, графства, княжества, владения, и имущество и превратить их в свою

собственность...использование и прибыль... [и] владеть этими островами, землями, гаванями и морями, и они по праву принадлежат королю Альфонсо и его преемникам».

В 1493 году Испания также добилась одобрения папы на открытия, сделанные Колумбом в Новом Свете. Папа Александр VI издал три буллы и постановил, что открытые Колумбом земли, которые «до сих пор не были открыты другими», принадлежали Испании. Кроме того, Папа предоставил Испании земли, которые она открыла бы в будущем, если бы они не находились «в фактическом владении какого-либо христианского короля». Затем Папа демаркировал линию от Северного до Южного полюсов, в 300 милях к западу от Азорских островов, предоставив Испании право собственности на земли, «открытые и подлежащие открытию» к западу от этой линии, и предоставив Португалии такие же права на востоке линии.

7 июня 1494 года Тордесильясским договором было проведено дальнейшее разграничение неевропейского мира, *partition del mar Oceano*. Эта линия разделила мир за пределами Европы между Португалией и Испанией, переместив линию, проведенную Папой, дальше на запад, чтобы дать Португалии часть Нового Света, сегодняшней Бразилии. В 1529 году по Сарагосскому договору страны расширили линию по всему земному шару и разделили Тихий океан, его острова и земли. Из подписания этих договоров можно сделать два вывода. Во-первых, они подтвердили значение католицизма как основания для расширения империи. Во-вторых, они подорвали папскую власть, разрешив монархам действовать самостоятельно, чтобы противостоять угрозам, исходящим от неверных. Как бы на это ни посмотрели, неоспоримым стало то, что право двух королевских домов Европы на разделение неевропейского мира теперь опирались как на божественную санкцию, так и на суверенную волю и согласие.

«Линии дружбы», инициированные секретным пунктом Като-Камбрезского договора 1559 года, установили различие между европейской сферой мира и правом наций и заграничной сферой, в которой не было ни мира, ни закона. Эти «линии дружбы», которые требовали мирного сосуществования и сотрудничества в пределах Европы и давали разрешение на необузданный конфликт за их пределами, породили афоризм: «За экватором нет грехов». Это означало, что «за экватором» преобладали доктрины завоевания, открытия, *terra nullius* и т. д.

Империализм в XIX веке.

С утверждением позитивизма в качестве основной юридической науки международного права в XIX веке юристы-позитивисты разработали некоторые формальные доктрины, которые использовали явно расовые и культурные критерии для определения одних государств как цивилизованных и, следовательно, суверенных, а других государств как нецивилизованных и несuverенных. Таким образом, неевропейские общества были исключены из сферы международного права. Однако, как ни парадоксально, некоторые имперские державы утверждали, что местные вожди заключили договоры, которые давали этим державам суверенитет над неевропейскими территориями и народами, хотя действовавший в то время закон не признавал суверенитет так называемых «нецивилизованных территорий и народов». Таким образом, изучение договоров показывает, что коренным народам был предоставлен «квазисуверенитет» с целью дать им возможность передавать права, собственность и суверенитет. Это правило было очевидно в деле Джонсон против Макинтоша, рассмотренном Верховным судом США. В этом деле индейцы подали в суд друг на друга по поводу того, кто был законным

владельцем земель, ранее принадлежавших индейским народам на территории нынешнего штата Иллинойс. Истцы отстаивали свои права через корпорации, которые положительно покупали рассматриваемые земли у индейцев в 1773 и 1775 годах. Напротив, ответчик, Макинтош, купил свою землю в 1818 году у Соединенных Штатов, которые приобрели ее по договорам с индейскими народами Пианкешоу и Иллинойскими индейцами. Верховный суд США постановил, что Макинтош был владельцем, поскольку индейские народы не считались полноправными владельцами своих земель после того, как туда прибыли Евро-Американцы. Таким образом, суд постановил, что индейские народы могли продавать свои земли только евро-американскому правительству, которое претендовало на власть над ними, и, следовательно, предполагаемые продажи корпорациям были недействительны.

Взаимное соперничество между европейскими сверхдержавами в конце девятнадцатого века потребовало коллективных усилий этих держав по сохранению колониального господства. Важным шагом в этом направлении стало сдерживание «борьбы за Африку» на Берлинской конференции (1884–1885 гг.), целью которой было «ввести аборигенов Африки в пределы цивилизации, открыв внутреннюю часть континента для торговли. Эта Конференция институционализовала право великих держав на колониальное господство, хотя африканцы были полностью исключены из него. Было решено, что, когда речь идет об утверждениях суверенитета над колонизированными территориями, вызывает беспокойство признание такого суверенитета членами международного общества (т. е. цивилизованными странами), международное право не принимает во внимание позицию нецивилизованных туземцев континента. Таким образом, Африканский континент был разделен между колониальными державами, не принимая во внимание сложную систему политической организации, которая действовала на континенте и которая, в свою очередь, создала проблемы, которые сохраняются даже сегодня.

Империализм в XX веке.

Последствия Первой мировой войны привели к многочисленным изменениям в международном праве и международных отношениях. Самое главное среди изменений было денонсирование международного права XIX века, разрешающего колониальную эксплуатацию. Лига Наций попыталась сформулировать новый подход к колониям, которые теперь назывались «отсталыми территориями».

В то время как в XIX веке Европу и нецивилизованную не Европу различали главным образом по расовым и культурным соображениям, Лига Наций охарактеризовала различия между цивилизованными и нецивилизованными в экономическом плане, «развитыми» и «отсталыми».

Следовательно, территории побежденных стран (Османской империи и Германии) вместо того, чтобы стать колониями победителей, были переданы под власть мандатной системы Лиги Наций. Целью этой системы было обеспечение «благополучия и развития» подмандатных территорий под международным контролем.

Хотя мандатную систему можно рассматривать как попытку достичь чего-то вроде деколонизации и создать международное право, которое будет продвигать, а не подавлять чаяния народов третьего мира; как «суверенитет», так и «правительство» неевропейского общества были созданы с целью продвижения интересов Запада. Сэр Артур Хирцель из Министерства иностранных дел Индии относительно суверенного Ирака, который Великобритания – мандатарная держава – должна создать, рекомендовал:

«То, что мы хотим иметь и что мы должны создать в это время, — это некая администрация с арабскими институтами, которую мы можем безопасно покинуть, дергая за ниточки сами; что-то не очень дорого, ... но при этом наши экономические и политические интересы будут в безопасности».

Таким образом, суверенитет третьего мира тогда, в той степени, в которой он был сформирован международными институтами и западными государствами, действовавшими через эти институты, был создан таким образом, чтобы продолжать служить интересам Запада.

Империализм в эпоху ООН

В современное время империалистический язык и поведение сохраняются. Сама система ООН изобилует империалистической риторикой и практикой.

Широко известно, что в Уставе ООН впервые на всеобщем уровне провозглашен принцип равноправия и самоопределения народов. Тем самым самоопределение превратилось из политической декларации в правовой принцип. Однако применение этого принципа было искаженным. Устав ООН продолжил мандатную систему, теперь через систему опеки. Практика колониального управления территориями с целью их цивилизации не исчезла.

Дальше, приобретение независимости государствами третьего мира сопряжено с другими проблемами.

Во многих отношениях постколониальные государства приняли модели развития, прогресса и национального государства, которые были впервые сформулированы в мандатной системе и которые были дополнительно уточнены и развиты теориями развития, такими как теория модернизации. Лидерами этих государств часто были элиты, имеющие тесные связи с Западом; другие получили свою власть от связей со сверхдержавами в контексте продолжающейся холодной войны. Это во многом привело к экономическому подчинению развивающегося мира и зависимости от развитого мира.

Кроме того, государства третьего мира, разделенные по этническому признаку, пережили гражданские войны, поскольку различные этнические группы боролись за контроль над государством, причем женщины, меньшинства, крестьяне, коренные народы и т. д. часто становились жертвами жестокости и других эксцессов постколониального государства. Международное право прав человека, возникшее как центральная часть периода существования Организации Объединенных Наций, предложило один механизм, с помощью которого народы третьего мира могли добиться защиты. Однако право прав человека также узаконило вторжение международного права во внутренние дела постколониальных государств и использовалось для оправдания дальнейшего вмешательства Запада в страны третьего мира.

Международные институты, особенно финансовые, вместо того, чтобы способствовать экономическому прогрессу в развивающихся странах, в значительной степени эксплуатировали такие страны, создавая цикл зависимости развивающихся стран от этих институтов.

Статус Международного Суда требует, чтобы судьи отбирались с должным учетом «основных форм цивилизаций... мира», и Суд обязан применять «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». (Статус Международного Суда, статьи 9, 38). Возникает вопрос: являются ли одни нации цивилизованными, а другие нецивизованными?

Совет Безопасности ООН является основным источником неравенства между государствами-членами ООН. Несмотря на десятилетия усилий по реформированию Совета, право вето в настоящее время остается исключительной привилегией только пяти постоянных членов. Зачастую право вето постоянных членов приводит к злоупотреблениям. Россия (32) + СССР (120) = 152, США 87, Китай 19, Великобритания 32, Франция 18. Существуют двойные стандарты в отношении международно-правовых норм. Год, когда ООН приняла Всеобщую Декларацию Прав Человека (в ответ на ужасы Второй мировой войны), был примерно в то же время, когда ООН способствовала передаче палестинских земель для формирования государства Израиль, что привело к Накбе Палестины. По состоянию на 5 мая 2021 года все тридцать официальных дел Международного Уголовного Суда (МУС) были возбуждены против граждан Африки, что ставит под сомнение его легитимность как нейтрального и беспристрастного международного юридического органа. В отношении Владимира Путина выдан ордер, тогда как против официальных лиц США, Великобритании и Израиля ордер никогда не выдавался, несмотря на множество предполагаемых военных преступлений, преступлений против человечности, совершенных этими должностными лицами.

Современные империалистические тенденции в международном праве включают, помимо прочего, следующее:

Недавние меры национальной безопасности, принятые развитыми странами, отражают элементы империализма. Например, «война с террором», сформулированная в Стратегии национальной безопасности США и начатая ими, с ее готовностью использовать превентивную силу против «государств-изгоев»

Амбиции Запада превратить страны третьего мира в миролюбивые демократии и заставить их принять права ЛГБТКИ+ не только нарушают право народов этих стран на самоопределение, но и во многом напоминают гораздо более ранние имперские действия, так называемые «цивилизованные нации».

Заключение

В основе империализма, будь то в XV веке или в наше время, лежит идея или убеждение, что некоторые народы или их культуры лучше, чем другие народы. Такое мышление не только отстало, но и вредно для достижения главной цели ООН – развития сотрудничества между странами и поддержания глобального мира и безопасности. Для достижения этой цели необходимо, чтобы все государства устанавливали отношения между собой строго на основе суверенного равенства и самоопределения народов, как это предусмотрено Уставом ООН. К сожалению, последние события показывают, что империалистические тенденции слишком глубоко укоренились в мировом порядке, поэтому для борьбы с ними помимо нормотворчества необходимо принимать и другие дополнительные меры. Учитывая, что империализм опирается на сильные экономические, политические и другие столпы, одним из практических способов является нейтрализация этих столпов империализма. Этого можно достичь посредством формирования жизнеспособных международных организаций, способных конкурировать с западными империалистическими интересами (таких как блок БРИК), а также других форм сотрудничества незападных стран, включая академическое сотрудничество. Ведь для того, чтобы нейтрализовать американскую (западную) гегемонию, потребует не только экономического, военного и политического прогресса, но и изменения в ментальных аспектах жизни незападных народов. В связи с этим позвольте мне добавить, что наш

факультет занимается исследованием устойчивого развития, в то время как мой отдел занимается исследованием мира и безопасности. Поэтому мы надеемся на сотрудничество, включая совместное проведение конференций и других мероприятий, которые принесут взаимную пользу нашим соответствующим учреждениям и странам.

Список источников

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 15.03.2024).
2. Статут Международного Суда (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения 15.03.2024).
3. Батырь В.А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2011. 396 с.

References

1. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 12/10/1948) – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (accessed 03/15/2024).
2. Statute of the International Court of Justice (San Francisco, June 26, 1945) - URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (date of application 03/15/2024).
3. Batyr V.A. International humanitarian law: Textbook for universities (2nd edition, revised and supplemented). M.: Justicinform, 2011. 396 p.

КАТЕХОН ТРЕТЬЕГО РИМА И НАСЛЕДСТВЕННОЕ САМОДЕРЖАВИЕ

Г.П. Шайрян

Департамент общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин
АНО ВО «Международной академии бизнеса и управления»
(Москва, Россия)

Резюме. В статье исследуется понятие Третьего Рима в его теоретическом осмыслении и практической эволюции в тесной связи с преемством Всероссийского Престола как важнейшего политико-правового института отечественной государственности, входящего в круг непреходящих традиционных ценностей Русского народа и России. Автором отмечается, что интерес к данной тематике вполне объясним, поскольку либеральная модель государственного бытия России не отвечает ее историческим и политическим интересам, не может удовлетворить желание государствообразующего Русского народа и других народов нашей страны, проживающих вместе в течение многих веков, найти приемлемую целеполагающую идею его государственного развития. Обращение к формуле «Москва-третий Рим» дает такую возможность.

По мнению автора, практическая реализация идеи Третьего Рима началась с середины 16 в., когда усилиями Ивана Грозного создается Святорусское государство, устанавливается уникальная, не имеющая аналогов в истории человечества форма верховной монархической власти – наследственное царское самодержавие, политико-правовую основу которой составило христианское учение о Царской власти как Божьей. Эта форма верховной власти была лучшей для целей Третьего Рима и функции Катехона – Удерживающего. Эти два понятия составили единое традиционное целое в рамках мистического смысла существования Российской государственности.

Автор приходит к выводу, что для отечественной государственности, не имеющей конституционно закрепленного идеологического стержня своего развития, теория «Москва–третий Рим» актуальна как никогда. Промыслом Божиим Россия возвращается к инициативному удержанию мира от влияния глобализма как идеи безраздельного сатанинского господства над человечеством. Формула Третьего Рима должна стать квинтэссенцией идеологии православного русского возрождения. Начало ему положено верховной властью в виде означенного выше Указа Президента о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: идеологическая парадигма, формула «Москва-Третий Рим», духовно-нравственные ценности

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-25-34

THE CATECHON OF THE THIRD ROME AND HEREDITARY AUTOCRACY

Georgy P. Shayryan

Department of General Humanitarian and Natural Science Disciplines of the International
Academy of Business and Management
(Moscow, Russia)

Abstract. The article examines the concept of the Third Rome in its theoretical understanding and practical evolution in close connection with the succession of the All-Russian Throne as the most important political and legal institution of national statehood, which is part of the circle of enduring traditional values of the Russian people and Russia. The author notes that the interest in this topic is quite understandable, since the liberal model of Russia's state existence does not meet its historical and political interests, cannot satisfy the desire of the state-forming Russian people and other peoples of our country, living together for many centuries, to find an acceptable goal-setting idea of its state development. The appeal to the formula "Moscow- the Third Rome" gives such an opportunity.

According to the author, the practical implementation of the idea of the Third Rome began in the middle of the 16th century, when the efforts of Ivan the Terrible created the Holy Russian state, established a unique, unparalleled in the history of mankind form of sovereign monarchical power - hereditary tsarist autocracy, the political and legal basis of which was the Christian doctrine of Tsarist power as God-given. This form of supreme power was the best for the purposes of the Third Rome and the function of the Catechon–Holding. These two concepts formed a single traditional whole within the mystical meaning of the existence of Russian statehood.

The author comes to the conclusion that the theory of "Moscow - the Third Rome" is more relevant than ever for the national statehood, which does not have a constitutionally fixed ideological core of its development. By God's providence, Russia is returning to the initiative to keep the world from the influence of globalism as an idea of undivided Satanic domination over humanity. The formula of the Third Rome should become the quintessence of the ideology of the Orthodox Russian Renaissance. It was initiated by the supreme power in the form of the above-mentioned Presidential Decree on the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values.

Keywords: the ideological paradigm, the formula "Moscow is the Third Rome", spiritual and moral values

Обсуждение идеи Третьего Рима как идеологической парадигмы государственной задачи, настоящего и будущего Отечества особенно усилилось после публикации Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». О важности обсуждения данного вопроса свидетельствует состоявшаяся 5 октября 2023 г. в Госдуме РФ Научно-общественная конференция «Москва–третий Рим» как доктрина культурного суверенитета Российской государственности, посвящённая 570-летию трагедии падения Константинополя. Одним из основных вопросов в повестке конференции значился такой: «Доктрина «Моск-

ва – третий Рим» как заявка на цивилизационно-идентичную идеологию российского государственного строительства».

Интерес к данной тематике вполне объясним, поскольку либеральная модель государственного бытия России не отвечает ее историческим и политическим интересам, не может удовлетворить желание государствообразующего Русского народа и других народов нашей страны, проживающих вместе в течение многих веков, найти приемлемую целеполагающую идею его государственного развития. Обращение к формуле «Москва-третий Рим» дает такую возможность.

Рассматривать идею Третьего Рима следует, прежде всего, с эсхатологической точки зрения как выбор Богом нашего Отечества, которое не имеет равных по своей способности сохранить чистоту православной веры и уникальность культурно-исторического типа локальной славянской цивилизации с абсолютным доминированием русского этноса. На этой православно-мистической, национально-культурной и этноконфессиональной основе Богом была создана самобытная отечественная христианская государственность. Изначально, главной ее целью является создание благоприятных условий для спасения людей во Христе Иисусе, распространяя такую возможность на весь мир, удержание которого от сатанистского разложения возложено на Третий Рим.

Практическая реализация идеи Третьего Рима началась с середины 16 в., когда усилиями Ивана Грозного создается Святорусское государство, устанавливается уникальная, не имеющая аналогов в истории человечества форма верховной монархической власти – наследственное царское самодержавие, политико-правовую основу которой составило христианское учение о Царской власти как Богоданной. Эта форма верховной власти была лучшей для целей Третьего Рима и функции Катехона – Удерживающего. Эти два понятия составили единое традиционное целое в рамках мистического смысла существования Российской государственности. Первое относится к осмыслению мессианской роли России, понимание существа которой вошло в историографический оборот, сводясь к формуле «Москва–третий Рим, а четвертому не быть». Эта формула получила свое отражение в известном послании старца Филофея, где он делает вывод о том, что Русь является воспреемницей Восточной Римской Империи на пути противостояния апатасии. Сегодня она как никогда является востребованной, входит в круг непреходящих традиционных духовных ценностей Русского народа и России и как никакая другая отвечает задаче возрождения отечественной идеологии в целях благотворного настоящего и будущего нашей Родины ради достижения ее духовного суверенитета.

Идея «Москва-третий Рим» имеет свою очевидную традицию. В конце XVI в. ее распространению в Московском Царстве способствовали Годуновские Псалтири [8, с. 9-17], а доктринальный взгляд на Россию как на «Ромейское царство» [7, с. 59-80] был соборно утвержден в качестве официальной концепции в Уложенной грамоте 1589 г., когда Константинопольский патриарх Иеремия обратился к царствующему русскому государю Федору Иоанновичу: «великое Российское царствие, Третий Рим, благочестием всех превзыде» [1, с.89].

Если исходить из того, что впервые идея Третьего Рима была письменно зафиксирована в двух посланиях конца Филофея в 1523 г. – начале 1524 г., то можно считать, что в 2023 г. она отметила свое 500-летие.

Наследование Москвой духовной и геополитической задачи Римской империи, на территории которой родился Спаситель, выразилось, прежде всего, в преемстве функции Катехона, предполагающей удержание мира от скатывания в бездну апостасии и преждевременного окончания истории человечества. Во втором послании к Фессалоникийцам апостол Павел раскрывает условия, при которых это произойдет: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» [2, с.1298].

Достоинство теории Третьего Рима состояло в том, что она опровергала доводы о первенстве в христианском мире католического Рима и вселяла уверенность, что мир не стоит в преддверии апокалипсиса. В «Послании о неблагоприятных днях и часах», адресованном дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину, утверждалось, что «яко вся христианская царства приидоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [2, с.1298].

В «Послании Великому Князю Василию, в котором говорится об исправлении крестного знамения и о содомском блуде», эта теория обосновывала перенос духовного центра человечества на Русь, в Москву, туда, где сохранилось благочестие христианской веры: «...старого Рима церковь пала по неверию ереси Аполлинария, второго же Рима, Константинова града, церковные двери внуки агарян секирами и топорами рассекли, а эта теперь же третьего, нового Рима, державного твоего царства святая соборная апостольская церковь во всех концах вселенной в православной христианской вере по всей поднебесной больше солнца светится» [4, с.301-302]. В продолжении высказанной мысли Филофей уточнял и место Великого князя Василия III, которого именовал царем в силу его исключительного государственно-канонического статуса и царского делания в Божьем замысле о Третьем Риме с присущей ему функции Катехона: «так пусть знает твоя державность, благочестивый царь, что все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь» [5, с.298].

Как и все средневековые книжники, источником власти русских государей Филофей называл «десницу Божью», которой «цари царствуют», а права «пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя великого князя, православного христианского царя и владыки всех», распространял далеко за пределы отечества. Он обращался к князю Василию как к царю, соединявшему в себе светскую и духовную власть, как к «державному бразды святых Божьих престолов, святой вселенской соборной апостольской церкви... вместо римского и константинопольского владык» [2, с.1299]. В руках русского государя, пояснял Филофей, раскрывая мессианскую роль самодержца Третьего Рима и функцию Катехона, «все православные царства христианской веры сошлись в едином твоём царстве: один ты во всей поднебесной христианам царь» [2, с.1299].

Рассматривать идею Третьего Рима следует, прежде всего, с эсхатологической точки зрения как выбор Богом нашего Отечества, которое не имеет равных по своей способности сохранить чистоту православной веры и уникальность культурно-

исторического типа локальной славянской цивилизации с абсолютным доминированием русского этноса.

На этой православно-мистической, национально-культурной и этноконфессиональной основе Богом была создана самобытная отечественная христианская государственность. Изначально, главной ее целью является создание благоприятных условий для спасения людей во Христе Иисусе, распространяя такую возможность на весь мир, удержание которого от сатанистского разложения возложено на Третий Рим.

Практическая реализация идеи Третьего Рима началась с середины 16 в., когда усилиями Ивана Грозного создается Святорусское государство, устанавливается уникальная, не имеющая аналогов в истории человечества форма верховной монархической власти – наследственное царское самодержавие, политико-правовую основу которой составило христианское учение о Царской власти как Богоданной. Эта форма верховной власти была лучшей для целей Катехона.

Природа этой власти оставалась неизменной до 1917 г. Были этапы кратковременного полного отсутствия царского самодержавия – Смутное время. Было время его ослабления при Василии Шуйском, при правительнице Софье и одновременном наличии двух малолетних царей, при существовании Верховного Тайного совета, в том числе во время очень краткого времени действия «кондиций», подписанных Анной Иоанновной и разорванных ею, а также при регентстве Бирона. Период развития Российской империи после 1906 г до 1917 г., когда появились законосовещательные органы царской власти российского монарха, остался периодом царского самодержавия.

Мистический смысл наследования Московским самодержавным царством миссии Восточной Римской Империи после ее падения в 1453 г. предопределил и преемство функции Катехона. Ее осуществление было продолжено Российскими императорами. Это были усилия по сохранению европейских монархий, разрушение замысла завоевания мира Наполеоном, противодействие либерализации государственного и общественного развития России, англосаксонским планам ослабления Третьего Рима в Крымской войне 1853 г., возбуждение недовольства самодержавием как следствие Русско-японской войны, включая финансирование революционного терроризма в России конца 19 – начала 20 вв.. Были и другие важные шаги на пути Катехона, в том числе по укреплению экономической и военно-политической мощи Третьего Рима. Все их в рамках данного формата статьи не перечислить.

Ограждение России от ее территориального развала и полного уничтожения как суверенного государства в XX в. в виду Богоотступничества Русского народа произошло благодаря хриstopодражательному царскому подвигу Императора Николая Александровича, до смерти стоявшего на пути Катехона.

Невольно, без осознания советскими руководителями действительной Богоустановленной цели учреждения государственности нового типа, функция удерживающего Промыслом Божьим сохранилась, пусть и в латентном состоянии, в контексте идеи Третьего Рима, получившего на время наименование СССР. Сохранению функции Катехона невольно способствовала сталинская идея 1925 г., которая предусматривала возможность построения социализма в одной стране. Она ограждала Отечество от размывания сохранившейся в глубине русского сознания самобытности его государственной жизни. Эта идея гарантировала суверенитет России с ее традиционно высокоцентрализованной верховной властью единоличного государственного правления, ко-

торая оставалась имперской по своей цивилизационно-культурной и политико-правовой характеристике. С началом Великой Отечественной войны 1941 г. функция Катехона вновь проявила себя в открытом виде. Победа в Великой Отечественной Войне над очередным вариантом глобалистских устремлений была следующим важнейшим этапом осуществления миссии Третьего Рима и удерживающего его.

Далее осуществление функции Катехона Советским государством шло через противостояние планам глобального превосходства англосаксонской цивилизации путем содействия ликвидации колониальной системы и оказания всесторонней помощи государствам, заявившим о своей национальной независимости, что предполагало наличие суверенной государственности, политической и культурной автономии освободившихся стран.

После спланированного уничтожения СССР, через 30 лет, функция удерживающего, Промыслом Божиим порученная Третьему Риму, вновь активизирована. Политическая подготовка к этому началась с принятием поправок в Конституцию 1993 г. Произошел законодательный возврат к жесткой централизации и единовластию. С 2020 г. в Конституцию РФ вводятся элементы государственного устройства, аналогичные тем, что существовали в Российской Империи – образуется Государственный Совет, активизируется административно-указная деятельность Президента, которая приобретает вполне определенный практический характер правовых велений верховной власти, имеющих незыблемую императивность. Формально, а по своей сути и практически реорганизованная система властной иерархии на фоне введенного понятия публичной власти объединяет и подчиняет себе все ветви государственной власти (власть законодательную, исполнительную, частично и опосредованно судебную) а также власть местного самоуправления. То есть является неким управленческим аналогом верховной власти российского монарха, хотя и с совершенно иной идейно-правовой основой. В Российской Империи источником власти признавался Бог. По Конституции РФ 1993 г. с изменениями и дополнениями 2020 г. – народ.

Третий Рим получил необходимую ему традиционную единоподданность, которая всегда была основой российской мировоззренческой ментальности и правосознания, политической доктрины и экономических успехов отечественной государственности. Начало Специальной военной операции 24 февраля 2022 г. стало отправной точкой возрождения функции Катехона. Третий Рим в очередной раз открыто выступил против аномического глобализма, который разрушает государственный суверенитет и внутренние социально-культурные нормы, традиционные ценности и народный быт не только России, но и всех государств, которые до сих пор находятся под негативным влиянием глобализации и рудиментов колониального прошлого.

Таким образом, вопреки порой высказываемому ошибочному мнению о том, что с падением Российской Империи Россию уже нельзя считать Третьим Римом, наше Отечество, как и раньше, способны мы это осознать сейчас или пока к этому не готовы, продолжает играть роль Катехона на путях Божественного домостроительства. Мессианская роль Третьего Рима в Промысле Божьем полностью очевидна, хотя ее осуществление носит порой скрытый характер, но осуществляется императивно.

Также как лучшей формой верховной власти в целях Третьего Рима является царское самодержавие [6, с.240-252], так и его непрерывное сбережение в качестве важнейшего элемента в наследственном преемстве Всероссийского Престола является лучшим способом сохранения и осуществления функции Катехона. В этом смысле по-

нятие о наследственном Престоле христианского монарха следует рассматривать не только и не столько как понятие юридическое, сколько как богословское, раз мы признаем источником Царской власти Русского самодержца Божественное установление, которым иницируются его царские права и прерогативы. В этом же смысле наследственная верховная власть российских самодержцев, ставшая результатом многовековой династической традиции престолонаследия и цивилизационно-культурной уникальности нашего Отечества, является традиционной ценностью российской государственности.

С точки зрения юридической, Престол обнимает своим содержанием четыре вида наследственной юридически неограниченной самодержавной власти российского монарха – верховную самодержавную власть, власть верховного и подчиненного управления, власть главы государства и Главы Церкви. Под державным покровом самодержавного Престола действовали и органы местного самоуправления, входя в единую систему царской власти российского монарха. Видимыми символами Престола являются атрибуты Царской власти.

В понятие Престола включается также право Русского самодержца и Помазанника Божьего на наследственное обладание государственной территорией России, выводимое из удельно-вотчинного права русских князей на их наследственные территориальные владения, а также право распоряжения юридической судьбой подданных. Все это вместе представляет собой самобытный объект российского династического престолонаследия, не имеющей полных аналогов в истории человечества.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на распространённую неточность в употреблении терминологии. Она касается ряда неверно употребляемых понятий, описываемых как «отрешение от Престола», «лишение Престола» и т.д., когда имеется в виду процесс упразднения монархии 2 марта 1917 г., верно утверждать: насильственное лишение Императора Всероссийского Николая II верховной власти, причем в результате масонского заговора с массовой фальсификацией доказательств.

Лишить Помазанника Божьего Престола, который дарован Ему Богом, в принципе невозможно. Можно добиться устранения Его от осуществления верховной власти, физически Его уничтожить. Однако, с точки зрения духовной, Престол как был царским в России, так им и остался, существуя прикровенно. С точки зрения юридической, законно Всероссийский Престол также не упразднился. Отсутствуют только его видимые атрибуты. Это означает, что наследственные царские права, вытекающие из Акта о престолонаследии 1797 г. и Основных государственных законов Российской империи в обеих редакциях, у законных наследников в роде Романовых остались в прежнем виде. Очевидно понимая это обстоятельство, и была предпринята бессмысленная попытка уничтожить Престол и право на престолонаследие путем убийства Царя и Помазанника Божьего. Его убили, чтобы уничтожить удерживающего, уничтожить непрерывность Богоданной наследственной родовой власти, имеющей сакральную генетику Царской крови¹. Тем самым планировалось

¹ Об этом свидетельствует Пс. 131: «Клятся Господь Давиду истинною, и не отвержется ея: от плода чрева твоего посажду на престоле твоём». Толкуя его содержание Святитель Филарет (Дроздов) отмечает: Бог «посаждает на престоле» царем «от плода чрева царя», то есть: наследственность царской власти есть также Божественное установление. Толкования Священного Писания. Режим доступа: <https://bible.optina.ru/old:ps:131:11>. Старец Николай Гурьянов относительно пояснения подвига Царских Мучеников: «Кровь Царская – Святая». См.: <https://talabsk.ru/141-carskih-ostankov-net.html>

уничтожить и правовую идею наследственного родового самодержавия как форму традиционной верховной власти в России, которая наилучшим образом связывала Третий Рим с Богом. Инфернальная сила злонамеренного ритуала Цареубийства не преодолела христоподражательный подвиг Святого Государя, принятый Господом и Церковью, которая прославила Николая II и Его Августейшую Семью в лике святых.

Что касается порядка преемства Всероссийского Престола в Третьем Риме, который законодательно обеспечивал непрерывность осуществления верховной самодержавной власти российского монарха и функцию Катехона, то его осуществление строилось по принципу агнатско-когнатической примогенитуры. Это означает, что наследование осуществлялось сначала в мужских линиях, происходящих от царствующего монарха. В случае их пресечения, престолонаследие переходило на время в женские линии с последующим вступлением на Престол агнатских когнатов. То есть мужчин в женской линии, представительница которой первой занимала Престол по праву заступления и передавала его своим детям.

В силу Акта 1797 г. и ОГЗ РИ, установленный законом порядок престолонаследия после насильственного лишения Императора Всероссийского Николая II верховной власти, убийства Его, Супруги и Его Детей, включая Наследника-Цесаревича, так и Его Дочерей, а также Его Брата Великого Князя Михаила Александровича, предопределил переход права престолонаследия в женские линии Детей Александра III. Сначала – в линию Великой княгини Ксении, состоявшей в разнородном браке с Великим князем Александром Михайловичем, затем, в случае прерывания мужских и женских линий ее наследников, в род Великой Княгини Ольги. Таков существующий сегодня порядок престолонаследия Третьего Рима [3].

В заключении несколько слов о законодательно установленных условиях российского престолонаследия, без обращения к содержанию которых трудно понять современное состояние и трудности его легитимации. Их несколько. Одно из них – это условие о Императорской крови, без наличия которой членство в Императорском доме невозможно: *«Все лица, происшедшие от Императорской Крови в законном, дозволенном царствующим Императором, браке, с лицом соответственного по происхождению достоинства, признаются Членами Императорского Дома» (ст. 126 ОГЗ РИ 1906г.)* Другое условие – это условие о принадлежности вступившего на Престол монарха православному вероисповеданию: *«Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме Православной» (ст. 62 ОГЗ 1906 г.)*. Третье условие связано с равнородностью браков Членов Императорского Дома, исключая морганатические браки для великих князей, как наиболее близких к наследованию Престола. Четвертое условие, которое установлено Учреждением о Императорской Фамилии, – это соизволение царствующего Императора на брак, без соизволения сего совершенный, законным не признается (ст. 183 ОГЗ РИ 1906 г.).

Вывод, который следует из сказанного, состоит в следующем.

Форма верховной власти – царское самодержавие, обладателем которого являлся православный монарх, и принадлежавший ему наследственный прародительский Престол в Богоизбранной Руси, становились неотъемлемой частью общехристианской идеи «вечного Рима» как символа преемства незыблемого мирового порядка, установленного свыше. Вместе с правом на наследственную

передачу Российского Престола, все эти факторы становились важнейшими и благоприятствующими условиями осуществления Третьим Римом функции Катехона.

На нынешнем этапе отечественной государственности, не имеющей конституционно закрепленного идеологического стержня своего развития, теория «Москва - третий Рим» актуальна как никогда. Промыслом Божиим Россия возвращается к инициативному удержанию мира от влияния глобализма как идеи безраздельного сатанинского господства над человечеством. Формула Третьего Рима должна стать квинтэссенцией идеологии православного русского возрождения. Начало ему положено верховной властью в виде означенного выше Указа Президента о сохранении и укреплении традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Богданов А.П. Русские патриархи, 1589-1700: в 2-х т. М.: ТЕРРА: Респ., 1999. Т. 1. 966 с.
2. Второе послание к Фессалоникийцам (2:1-12) // См.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2002. 1371 с.
3. Кузнецов М.Н., Шайрян Г.П. Отречение, которого не было... Останки, которых нет... Где искать наследника Престола. Правовая оценка фактов и документов. М., 2018. 468 с.
4. Послание Великому Князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Библиотека литературы Древней Руси. Т.9. СПб: Наука, 2006. 568 с.
5. Послание о неблагоприятных днях и часах // Библиотека литературы Древней Руси. Т.9. СПб: Наука, 2006. 568 с.
6. Сафронова Е.В. Правовой феномен российского самодержавия // Ученые записки Крымского государственного университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3-2. С. 240-252.
7. Синицына Н. В. Учреждение патриаршества и Третий Рим // 400-летие учреждения патриаршества в России. Roma, 1989. С. 59-80.
8. Усачев А.С. Об истории бытования идеи «Третьего Рима» в России XVI в. // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви, 2015. Вып. 3 (64). С. 9–17.

References

1. Bogdanov A.P. Russian patriarchs, 1589-1700 : In 2 volumes. M. : TERRA : Rep., 1999. Vol. 1. 966 p.
2. The Second Epistle to the Thessalonians (2:1-12) // See: The Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments. M.: Russian Bible Society, 2002. 1371 p.
3. Kuznetsov M.N., Shayryan G.P., The renunciation that did not happen...Remains that are not there...Where to look for the heir to the Throne. Legal assessment of facts and documents. M., 2018. 468 s.
4. The message to Grand Duke Vasily, in which about the correction of the sign of the cross and about Sodomy fornication // Library of literature of Ancient Russia. Vol.9. St. Petersburg, "Science", 2006. 568 p

. 5. Message about unfavorable days and hours // Library of literature of Ancient Russia. Vol.9. St. Petersburg, "Science", 2006. 568 p.

6. Safronova E.V. The legal phenomenon of the Russian autocracy // Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean State University. Legal sciences. 2021. Vol. 7. №. 3-2. PP. 240-252.

7. Sinitsyna N. V. The establishment of the Patriarchate and the Third Rome // 400th anniversary of the establishment of the Patriarchate in Russia. Roma, 1989.pp. 59-80.

8. Usachev A.S. On the history of the existence of the idea of the «Third Rome» in Russia in the XVI century. // Bulletin of the PSU II: History. The History of the Russian Orthodox Church, 2015. Issue 3 (64). pp. 9-17.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСРОЧНЫЕ СТРАХОВЫЕ ПЕНСИИ
ПО СТАРОСТИ В СВЯЗИ С РАБОТОЙ В ОСОБЫХ (ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ)
УСЛОВИЯХ ТРУДА**

О.А. Лаврищева

МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия)

Резюме. В статье выявлены и проанализированы специфичные особенности реализации гражданами права на досрочную страховую пенсию по старости при работе в особых производственных условиях. Исходя из проведённого теоретико-правового обзора, можно заключить, что вопросы, связанные с определением условий и оснований досрочного назначения страховой пенсии по старости в связи с особыми производственными условиями трудовой деятельности, характеризуются некоторой сложностью. Специфика реализации права на получение досрочной страховой пенсии по старости в связи с осуществлением трудовой деятельности в особых производственных условиях состоит в следующем. Начиная с 2019 г., для граждан некоторых категорий сроки выхода на пенсию досрочно постепенно увеличиваются. Требования в отношении специального стажа при этом останутся неизменными. В переходный период (2019-2028 гг.) сроки обращения граждан за пенсией после выработки специального стажа будут перенесены на период от года до пяти лет. Граждане могут выйти на пенсию досрочно по одному из таких оснований: работа во вредных условиях, работа на Крайнем Севере и приравняемых к нему местностях и др. В ходе исследования были использованы следующие частные и общие методы научного познания: метод системно-структурного анализа; метод классификации и обобщения. Автор приходит к выводу, что в некоторых случаях назначение страховой пенсии по старости возможно до достижения гражданином пенсионного возраста (например, при работе в опасных, вредных и тяжёлых условиях; по состоянию здоровья; при признании гражданина многодетным и др.).

Ключевые слова: пенсионная система, досрочные страховые пенсии, стаж, пенсионный возраст, особые условия труда

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-35-41

REALIZATION OF THE RIGHT TO EARLY OLD-AGE INSURANCE PENSIONS IN CONNECTION WITH WORK IN SPECIAL (INDUSTRIAL) WORKING CONDITIONS

Olga A. Lavrishcheva
MIREA – Russian Technological University
(Moscow, Russia)

Abstract: The article identifies and analyzes the specific features of the realization by citizens of the right to an early old-age insurance pension when working in special production conditions. Based on the conducted theoretical and legal review, it can be concluded that the issues related to determining the conditions and grounds for early appointment of an old-age insurance pension in connection with special working conditions are characterized by some complexity. The specifics of the realization of the right to receive an early old-age insurance pension in connection with employment in special production conditions are as follows. Starting in 2019, the terms of early retirement are gradually increasing for citizens of some categories. The requirements for special seniority will remain unchanged. During the transition period (2019-2028), the terms of citizens' application for a pension after the development of a special length of service will be postponed for a period of one to five years. Citizens can retire early on one of these grounds: work in harmful conditions, work in the Far North and equivalent areas, etc. The following particular and general methods of scientific cognition were used in the course of the study: the method of system-structural analysis; the method of classification and generalization. The author concludes that in some cases, the appointment of an old-age insurance pension is possible before a citizen reaches retirement age (for example, when working in dangerous, harmful and difficult conditions; for health reasons; when recognizing a citizen as having many children, etc.).

Keywords: pension system, early insurance pensions, seniority, retirement age, special working conditions

Вопросы пенсионного обеспечения всегда занимали особое место в социально-экономической структуре общества. Наша страна не является исключением. В последнее десятилетие проводится серьезная работа по модернизации механизма формирования прав по назначению и предоставлению страховой пенсии. А именно: был уточнен порядок и условия назначения страховой пенсии по старости. Все эти преобразования в пенсионном законодательстве направлены на его усовершенствование. И многие моменты действительно были изменены в лучшую сторону. Вместе с тем до сих пор остаются некоторые проблемы, требующие своего своевременного решения.

В современной пенсионной системе можно выделить ряд взаимосвязанных проблем правоприменительного характера.

1. Проблемы, связанные с реализацией правового механизма сохранения гражданами пенсионных прав, приобретённых ранее, от которых зависит исчисление размера страховых пенсий по старости с учётом фактически имеющегося у гражданина страхового стажа.

2. Проблема в виде недостаточной законодательной регламентации порядка досрочного назначения и выплаты пенсий, в том числе по старости лицам, осуществляющим трудовую деятельность в особых условиях. Принятие закона, который бы урегулировал этот вопрос, станет идеальным решением проблемы.

3. Проблемы в части назначения и выплаты страховых пенсий по старости, часть из которых так и не была решена после последних поправок в пенсионное законодательство от 01.01.2022 г. Федеральные органы власти планируют продолжать работу по совершенствованию законодательного регулирования в указанной сфере.

В некоторых случаях назначение страховой пенсии по старости возможно до достижения гражданином пенсионного возраста (например, при работе в опасных, вредных и тяжёлых условиях; по состоянию здоровья; при признании гражданина многодетным и др.). При этом реализация права на получение досрочной страховой пенсии по старости в связи с осуществлением трудовой деятельности в особых производственных условиях характеризуется определёнными особенностями. В рамках нашей статьи раскроем их более подробно.

При рассмотрении вопроса, касающегося особых производственных условий труда, являющихся основанием для досрочного выхода на страховую пенсию, необходимо учитывать трактовку ст. 30 и ст. 31 Закона № 400-ФЗ [2].

Следует отметить, что введение в практику обязательной профессиональной пенсионной системы планировалось ещё в рамках реформирования пенсионной системы на период 2001-2002 гг. Несмотря на это, базовые положения такой пенсионной системы не проработаны и не закреплены в законодательстве до сих пор. На наш взгляд, главной причиной многоаспектных проблем в части реализации работниками своего права на рассматриваемый вид социального обеспечения выступает отсутствие специального самостоятельного правового регулирования отношений, связанных с досрочным пенсионным обеспечением в связи с работой в особых производственных условиях. В сложившейся ситуации многие граждане реализуют своё право через суд.

Обзор ст. 30 и ст. 31 Закона № 400-ФЗ позволил сделать ряд выводов по поводу условий и оснований возникновения у граждан права на досрочное назначение страховой пенсии по старости в связи с работой в особых производственных условиях.

1. Юридическому (фактическому) составу, положенному в основу возникновения права на досрочное назначение страховой пенсии по старости, свойственно отсутствие единообразия. Это выступает главным отличием от юридического (фактического) состава, применимого к страховой пенсии по старости, назначаемой на общих основаниях. Совокупность юридических фактов будет зависеть, прежде всего, от категории работника, являющегося претендентом на получение страховой пенсии по старости.

2. Стаж на работах с особыми производственными условиями имеет определённые качественные и количественные характеристики. Содержательная сторона характеристик первого вида раскрывается в специальных перечнях соответствующих должностей, профессий, специальностей, работ, производств и учреждений, работники которых имеют право на досрочное назначение страховой пенсии по старости. Эти перечни утверждаются Правительством РФ. Применительно к каждому виду работ создан свой перечень (Постановление Правительства РФ № 665 от

16.07.2014 г.) [5]. К настоящему времени разработано около двух десятков разных перечней, предусматривающих в том числе порядок и условия исчисления специального страхового стажа.

3. Законодатель выделил отдельно требуемое количество лет общего и специального страхового стажа для сложных фактических (юридических) составов, необходимых для досрочного назначения страховой пенсии по старости. Несмотря на это, в реальной практической деятельности соответствующие положения должны толковаться не по принципу сложения общего и специального стажа, а иным образом. Так, можно сделать вывод о том, что специальный страховой стаж подлежит включению в продолжительность общего страхового стажа гражданина.

4. С 2015 года в России действует балльная пенсионная система. С этого момента для назначения досрочной страховой пенсии по старости (как на общих основаниях, так и при работе в особых производственных условиях) необходимо обязательное наличие минимум 30 индивидуальных пенсионных коэффициентов (ИПК). Данный параметр обладает ключевым значением в том числе при определении права гражданина на досрочное назначение страховой пенсии по старости в связи с работой в особых производственных условиях. Формируется ИПК за счёт страхового стажа, уплаченных гражданином страховых взносов, отказа от страховой пенсии на определённый период времени. Минимальный объём страховых взносов – обязательное условие возникновения у гражданина права на получение страховой пенсии по старости (в т. ч. на её досрочное назначение) [6].

5. С 2018 года в России изменён порядок, в соответствии с которым назначаются досрочные страховые пенсии по старости работникам отдельных категорий (Закон № 350-ФЗ) [4]:

- работникам творческого труда;
- работникам системы здравоохранения;
- педагогам.

Соответствующие аспекты получили закрепление в п.п. 19-21 ч. 1 ст. 30 Закона № 400-ФЗ.

В контексте рассматриваемого вопроса целесообразно выделить несколько правовых событий, которые необходимо различать, если речь идёт о досрочном назначении застрахованным гражданам страховой пенсии. Первое такое правовое событие – момент возникновения права на досрочное назначение рассматриваемой пенсии. Второе событие касается срока назначения (достижение соответствующего возраста).

Право на назначение рассматриваемого вида пенсии зависит от стажа работы (от 15 до 30 лет). Для работников одних категорий оставлено условие: достижение определённого возраста (55-60 лет). Для других категорий такое условие не установлено (к примеру, артист балета может обратиться за досрочным назначением рассматриваемой пенсии при наличии стажа от 15 лет вне зависимости от того, сколько ему исполнилось лет).

Одно из серьёзных новшеств в порядке досрочного назначения страховой пенсии по старости работникам творческого труда, сферы здравоохранения и педагогам касается наступления второго правового события (срока назначения пенсии). С момента достижения возраста, в котором работник выработает стаж, требуемый для

досрочного назначения страховой пенсии по старости, должно пройти минимум 60 месяцев (с 2023 г. и далее).

6. Качественные параметры специального страхового стажа в результате последних новшеств были уточнены, так как их образование поставлено в зависимость не только от перечня должностей, профессий и видов производств, но также от иных значимых обстоятельств. Начиная с 2013 г., сама по себе работа в особых производственных условиях более не является условием, приводящим к возникновению у гражданина права на досрочное назначение страховой пенсии по старости. Теперь проводится специальная оценка условий труда, цель которой – установить класс и подкласс условий труда (Закон № 426-ФЗ) [3].

Согласно п. 6 ч. 1 Закона № 400-ФЗ, периоды трудовой деятельности, предусматриваемые ст. 30 настоящего Закона, имевшие место после 01.01.2013 г., будут зачтены в специальный страховой стаж и будут учитываться при принятии решения о досрочном назначении пенсии, но только после проведения специальной оценки условий труда. Досрочное назначение пенсии возможно, если по итогам специальной оценки класс условий труда по видам работ, обозначенным в пп. 1-18 ч. 1 ст. 30 Закона № 400-ФЗ, соответствует опасному или вредному классу. Сказанное не относится к медикам, педагогам и творческим работникам.

7. По закону основанием для досрочного назначения страховой пенсии по старости выступает наступление страхового случая. Например, для досрочного назначения трудовой пенсии таким случаем может быть утрата заработка, потеря кормильца, инвалидность, достижение установленного законом пенсионного возраста [7].

Соответствующие страховые случаи перечислены в Законе № 167-ФЗ [1].

При досрочном назначении страховой пенсии по старости гражданам отдельных категорий, поименованным в ст. 31 Закона № 400-ФЗ, такой страховой случай, как достижение пенсионного возраста, не учитывается. Правообразующим фактором для возникновения права на досрочное назначение страховой пенсии по старости выступает специальный страховой стаж, хотя он не признан страховым случаем ни в Законе № 400-ФЗ, ни в Законе № 167-ФЗ. При этом на работников, поименованных в пп. 11, 12, 13 п. 1 ст. 30 и п. 1 ст. 31 Закона № 400-ФЗ, правило о достижении определённого возраста не распространяется, если имеет место необходимый по продолжительности специальный профессиональный страховой стаж [8].

Выходит, что для значительного числа граждан на законодательном уровне не предусмотрено страхового случая в сфере обязательного пенсионного страхования, который выступал бы в качестве ключевого юридического факта. Вероятно, причиной введения досрочных пенсий стало то, что при длительной трудовой деятельности в тяжёлых, вредных и опасных условиях люди теряют здоровье до того, как достигнут общего пенсионного возраста. Поэтому целесообразно включить специальный страховой стаж в число страховых случаев по рассматриваемому виду пенсионного обеспечения.

Таким образом, исходя из проведённого обзора можно заключить, что вопросы, связанные с определением условий и оснований досрочного назначения страховой пенсии по старости в связи с особыми производственными условиями трудовой деятельности, характеризуются некоторой сложностью. Вынесение положительного

решения о досрочном назначении гражданину страховой пенсии по старости зависит от результатов оценки конкретного страхового случая.

В завершение следует отметить следующее. В некоторых случаях назначение страховой пенсии по старости возможно до достижения гражданином пенсионного возраста (например, при работе в опасных, вредных и тяжёлых условиях; по состоянию здоровья; при признании гражданина многодетным и др.).

Специфика реализации права на получение досрочной страховой пенсии по старости, в связи с осуществлением трудовой деятельности в особых производственных условиях, состоит в следующем. Начиная с 2019 г., для граждан некоторых категорий сроки выхода на пенсию досрочно будут постепенно увеличиваться. Требования в отношении специального стажа при этом останутся неизменными. В переходный период (2019-2028 гг.) сроки обращения граждан за пенсией после выработки специального стажа будут перенесены на период от года до пяти лет. Граждане могут выйти на пенсию досрочно по одному из таких оснований: работа во вредных условиях, работа на Крайнем Севере и приравниваемых к нему местностях и др. При наличии таких условий у граждан возникает право на досрочный выход на пенсию. Такое двойное снижение возраста выхода на пенсию требует наличия нескольких условий.

Список источников

1. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 20.02.2024 г.).

2. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (последняя редакция) // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 20.02.2024 г.).

3. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» (последняя редакция) // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 20.02.2024 г.).

4. Федеральный закон от 03 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (последняя редакция) // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 20.02.2024 г.).

5. Постановление Правительства РФ от 16 июля 2014 г. № 665 «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учётом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение» // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 20.02.2024).

6. Галаева Л.А., Короткова Т.А. Реализация права на досрочные страховые пенсии по старости в связи с работой в особых (производственных) условиях труда: к постановке проблемы // Социально-политические науки. 2018. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prava-na-dosrochnye-strahovye-pensii-po->

starosti-v-svyazi-s-rabotoy-v-osobyh-proizvodstvennyh-usloviyah-truda-k-postanovke (дата обращения: 05.03.2024).

7. Ключевская Наталья. Пенсии-2022: индексация, беззаявительный и автоматический порядок назначения, информирование и другие поправки [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru/article/1521905/> (дата обращения 23.02.2024г.).

8. Социальный фонд России: официальный сайт [Электронный ресурс]. - Москва.- Обновляется в течение суток.- URL: <https://sfr.gov.ru/about/about/> (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. Federal Law No. 167-FZ of December 15, 2001 "On Compulsory Pension Insurance in the Russian Federation" (with amendments and additions) // [Electronic resource]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (date of application 02/20/2024).

2. Federal Law No. 400-FZ dated December 28, 2013 "On Insurance pensions" (latest edition) // [Electronic resource]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (accessed 02/20/2024).

3. Federal Law No. 426-FZ dated December 28, 2013 "On special assessment of working conditions" (latest edition) // [Electronic resource]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (date of appeal 02/20/2024).

4. Federal Law No. 350-FZ dated October 03, 2018 "On Amendments to Certain Legislative Acts acts of the Russian Federation on the appointment and payment of pensions" (latest edition) // [Electronic resource]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (accessed 02/20/2024).

5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 665 dated July 16, 2014 "On lists of jobs, industries, professions, positions, specialties and institutions (organizations), taking into account which an old-age insurance pension is appointed ahead of schedule, and the rules for calculating periods of work (activity) entitling to early retirement" // [Electronic resource]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 / (accessed 02/20/2024).

6. Galaeva L.A., Korotkova T.A. Realization of the right to early old-age insurance pensions in connection with work in special (industrial) working conditions: towards the formulation of the problem // Socio-political sciences. 2018. No.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-prava-na-dosrochnye-strahovye-pensii-postarosti-v-svyazi-s-rabotoy-v-osobyh-proizvodstvennyh-usloviyah-truda-k-postanovke> (date of application: 03/05/2024).

7. Natalia Klyuchevskaya. Pensions-2022: indexation, non-explicit and automatic appointment procedure, information and other amendments [Electronic resource]: <https://www.garant.ru/article/1521905/> / (accessed 02/23/2024).

8. Social Fund of Russia: official website [Electronic resource]. - Moscow.- Updated during the day.- URL: <https://sfr.gov.ru/about/about/> / (date of access: 02/20/2024).

ФЕНОМЕН ИНТЕРЕСА В СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИОННО-РЕГУЛЯТИВНОЙ ПРИЗМЕ

М.В. Мархгейм

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

***Резюме.** На основе научных источников и конституционных текстов России советского периода с использованием апробированных юридической наукой методов автором исследован и систематизированно представлен феномен интересов с учетом последовательного хронологического критерия, связывания интересов с субъектами и объектами. Отмечено, что во всех конституциях России (1918, 1925, 1937 и 1978 годов) интерес, будучи формализован, получил свое приращение за счет установления и последующей конкретизации субъектов интереса (рабочий класс, трудящиеся/трудящиеся массы, нации и народы, население, граждане, интересы матери и ребенка, интересы нынешнего и будущих поколений). Выявлено, что защищаемыми конституционными объектами интересов в разные периоды советского строительства определялись интересы социалистической революции, интересы государства, общегосударственные интересы, политические интересы Российской Федерации и республики в ее составе, общественное богатство. Подчеркнуто, что единство конституционной природы всех видов интересов не воспрепятствовало их ранжирным характеристикам. Под влиянием идеологических резонансов интересы трудящихся масс имели приоритет перед интересами иных представителей населения страны; интересы матери и ребенка подлежали особой государственной охране; интересами народов ограничивалось владение, пользование и распоряжение природными богатствами; общественные интересы были критериями пределов свободы экономической деятельности. Сделан вывод, что феномен интересов может исследоваться и в контексте преемственности.*

***Ключевые слова:** конституция, интерес, конституционно-правовое регулирование, интересы социальных субъектов, объекты конституционных интересов*

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-42-48

THE PHENOMENON OF INTEREST IN THE SOVIET CONSTITUTIONAL AND REGULATORY PRISM

Marina V. Markhegym

Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)

***Abstract.** On the basis of scientific sources and constitutional texts of Russia of the Soviet period using methods approved by legal science, the author investigates and systematically presents the phenomenon of interests, taking into account a consistent chronological*

criterion, linking interests with subjects and objects. It is noted that in all the constitutions of Russia in 1918, 1925, 1937 and 1978, interest, being formalized, received its increment by establishing and subsequently specifying the subjects of interest (the working class, the working/working masses, nations and peoples, the population, citizens, the interests of mother and child, the interests of present and future generations). It is revealed that the interests of the socialist revolution, the interests of the state, national interests, political interests of the Russian Federation and the republic within it, and public wealth were determined by the protected constitutional objects of interests in different periods of Soviet construction. It is emphasized that the unity of the constitutional nature of all types of interests did not prevent their ranking characteristics. Under the influence of ideological reasons, the interests of the working masses took precedence over the interests of other representatives of the country's population; the interests of mother and child were subject to special state protection; the interests of peoples limited the possession, use and disposal of natural resources; public interests were criteria for the limits of freedom of economic activity. It is concluded that the phenomenon of interests can also be studied in the context of continuity.

Keywords: *constitution, interest, constitutional and legal regulation, interests of social subjects, objects of constitutional interests*

Конституционные тексты России в траектории ее государственного строительства: суверенная Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (1918 г.) – РСФСР (Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (1925 г.) / Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (1937, 1978 гг.)) в составе СССР – суверенная Российская Федерация (1993 г.) дают питательную исследовательскую пищу в отношении многих важнейших феноменов, в числе которых и интерес.

Интерес является тем значимым явлением, которое мотивирует поступки социальных субъектов, решения публичных органов и действия целых государств, а также может выступать общим знаменателем, например, для установления конституционных обязанностей (в интересах личности (ч. 2 ст. 38), общества и государства (ч. 2 ст. 15, ст. 57, 58, 59)) для совместной защиты прав граждан профессионального, социального (ч. 1 ст. 30), политического (ст. 31) и иного характера, а также создания объединений межгосударственного уровня.

В научной юридической литературе интерес разрабатывается как категория в праве [3], в контексте соотношения таких понятий, как законный, охраняемый законом, правовой и юридический интерес [8], с позиции вопроса о легализации понятий интерес и законный интерес [9]. Он рассматривался с учетом отраслевой регулятивной специфики [2], в структуре правореализационной деятельности [14], в видовой характеристике [13], в генезисном ключе [1] и многих иных ракурсах. Профессор И.А. Исаев, обращая научное внимание к государственному интересу, подчеркнул как «важный для историков государства и права вопрос о методологическом признаке и мотиве современной теории властвования – государственном интересе» [4, с. 2].

Мы сочли значимым сосредоточиться на рассмотрении конституционно-правового регулирования отношений, связанных с интересом. Это позволяет раскрыть не только виды конституционных интересов, но и проследить траекторию их конституирования и ранжирования.

Определим исходной конституционно-статистическую призму рассмотрения феномена интерес. Обращение к конституционным текстам России показало следующее: в Конституции РСФСР 1918 г. [5] интерес упомянут трижды, в Конституции РСФСР 1925 г. [11] – дважды, в Конституции РСФСР 1937 г. [12] – шесть раз, а в Конституции России 1978 г. [6] – семнадцать раз. В исходном тексте Конституции Российской Федерации 1993 г. интересы содержались в трех положениях, а в ныне действующей редакции – в шести. Таким образом, применительно к слову «интерес» выраженная тенденция увеличения «употребительской корзины» наличествует только в период с 1918 по 1978 г.г. Вероятно, этому способствовала идеологическая специфика государственного строительства России.

Далее рассмотрим феномен интерес сквозь конституционно-субъектную призму. Так, в Конституции РСФСР 1918 г. интересы закреплены в нормах и непосредственно-го текста Основного Закона, и в его неотъемлемой части – Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. В конституционном тексте были отражены интересы «рабочего класса», которые «ориентировали» государство на лишение отдельных прав определенных лиц/групп лиц в целях защиты интересов «социалистической революции» (ст. 23). В Декларации же интересы сопрягались с социальными субъектами, а именно с интересами трудящихся масс для обеспечения им всей полноты власти (п. «ж» ст. 3). Аналогичные положения наличествовали и в Конституции РСФСР 1925 г.

Соответственно, конституционными социальными субъектами, связанными с интересом, были рабочий класс и трудящиеся массы. Их интересы для обеспечения именно им всей полноты власти обладали приоритетом перед интересами иного населения страны, прежде всего, для защиты интересов социалистической революции.

Конституция СССР 1924 г. [10] об интересах упомянула лишь однажды, причем без связи с вышеназванными социальными субъектами, но с субъектами «союзной федерации». Так, в контексте компетенции Верховного Суда Союза ССР указывалось «рассмотрение и опротестование ... постановлений, решений и приговоров верховных судов союзных республик по соображениям противоречия таковых общесоюзному законодательству или поскольку ими затрагиваются интересы других республик» (п. 6 ст. 43).

Период действия конституций СССР 1936 г. [7] и РСФСР 1937 г. отличается укреплением наряду с интересами субъектов интересов-объектов. В качестве последних можно назвать интерес увеличения общественного богатства как ориентир хозяйственной жизни государства (ст. 11); интересы обороны СССР, в соответствии с которыми Президиум Верховного Совета СССР полномочен объявлять в отдельных местностях или по всему СССР военное положение (п. «г» ст. 49); интересы государства, по защите которых полномочны принимать меры Совет Министров СССР (п. «в» ст. 68) и Совет Народных Комиссаров РСФСР (п. «г» ст. 45).

В конституциях 1936 г. (СССР) и 1937 г. (РСФСР) весьма ёмко представлены интересы социальных субъектов. В их числе интересы матери и ребенка (которые подлежали государственной охране (ст. 122 и ст. 126 соответственно); интересы трудящихся (обеспечение которых связывалось с законодательным гарантированием им целого ряда принципиальных свобод – слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 125 и ст. 129 соответственно); с правом объединения в обществен-

ные организации (ст. 126 и ст. 130 соответственно)). Отметим, что интересы трудящихся-иностранцев также могли быть гарантированы путем предоставления им права убежища из-за преследования их «за защиту интересов трудящихся» (ст. 129 и ст. 133 соответственно).

Следовательно, в период действия конституций СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. феномен интерес оказался приращенным и по видам социальных субъектов, и по объектам, представляющим интерес для государства и общества.

Следующий период развития феномена интерес сквозь конституционно-регулятивную призму охватывал период действия конституций СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. Поскольку указанный период отличался наибольшим, в сравнении с предыдущими периодами, числом упоминаний интересов в конституционных текстах и, учитывая, что в пришедшей им на смену Конституции России 1993 г. интересы отражены довольно скромно, можно вполне признать его интересоориентированным. Более того, само определение СССР, приведенное в его Конституции 1977 г., связывалось с характеристикой государства как общенародного, и выражающего в этой связи «волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны» (ст. 1). Многонациональный состав СССР и РСФСР логично отразился на закреплении интересов наций в связи с полномочиями Совета Национальностей (ст. 116 и ст. 122 соответственно). Интересы народов, не имеющих собственных национально-государственных образований, по Конституции СССР связывались с совместным обсуждением вопросов Советом Федерации и представителями этих народов (ст. 127.4). Судя по тексту ст. 11 Конституции РСФСР 1978 г., в ущерб интересам народов не могут осуществляться владение, пользование и распоряжение природными богатствами. Интересы трудящихся были зафиксированы в ней как объект государственной защиты (ст. 17).

В качестве основы действий советского государства и всех его органов определялись «интересы общества». Этому положению была отведена ст. 4 в каждой из рассматриваемых конституций. Конкретизацию интересов общества / общественных интересов проиллюстрируем на примере положений Конституции РСФСР 1978 г. Так, в противовес интересам общества не может использоваться собственность (ст. 10); общественные интересы были критериями установления законом или государством пределов свободы экономической деятельности (ст. 10), предельных размеров земельных участков (ст. 12). Наряду с этим получили отражение «интересы настоящего и будущих поколений» (ст. 18), в связи с чем от государства требовалось принятие необходимых мер «для охраны и научно обоснованного, рационального использования земли и ее недр, водных ресурсов, растительного и животного мира, для сохранения в чистоте воздуха и воды, обеспечения воспроизводства природных богатств и улучшения окружающей человека среды».

Дальнейшее рассмотрение конституционных текстов 1977 г. и 1978 г. показало важное предпочтение интересов: при использовании гражданами своих прав и свобод нельзя наносить ущерб интересам общества и государства (ст. 39). За гражданами СССР признавались «многообразные интересы», удовлетворению которых служит их право на объединение (политические партии, общественные организации) и участие в массовых движениях (ст. 51). Интересами опосредуются конституционные обязанности

граждан, например, оберегать интересы Советского государства (ст. 62); уважать законные интересы других лиц (ст. 65).

На конституционном уровне в РСФСР получили формализацию «общегосударственные интересы», которыми надлежало руководствоваться в своей деятельности депутатам (ст. 99); «политические интересы» России и республик в ее составе, которые призван защищать Президент (ст. 132.1). Помимо этого, в интересах безопасности граждан СССР Президент был полномочен объявлять чрезвычайное положение (п. 15 ст. 127.3).

Конституирование получила и категория «законные интересы», защита которых связывалась с законным порядком ограничения прав свобод личности (ст. 33), а также права на самозащиту (ст. 61).

Подытоживая, отметим, что категория «интерес» имеет конституционную формализацию во всех основных законах нашей страны. На разных этапах конституционного строительства в России субъектами интересов определялись рабочий класс, трудящиеся/трудящиеся массы, нации и народы, население, настоящее и будущее поколения, граждане и трудящиеся-иностранцы, указывались интересы матери и ребенка.

В качестве защищаемых конституционных объектов устанавливались интересы «социалистической революции», интересы государства, общегосударственные интересы и политические интересы Российской Федерации и республики в составе Российской Федерации, общественное богатство.

Отметим также, несмотря на то, что все из перечисленных интересов являлись конституционными, в разные периоды государственного строительства прослеживались ранжирные признаки. Так, интересы трудящихся масс имели приоритет перед интересами иных представителей населения страны; интересы матери и ребенка подлежали особой государственной охране; интересами народов ограничивалось владение, пользование и распоряжение природными богатствами; общественные интересы были критериями пределов свободы экономической деятельности и т.п.

Интересы получили отражение и в действующей Конституции России, что позволяет воспринимать интересы в контексте преемственности в сопряжении с современными условиями.

Список литературы

1. Белоусов Н.В., Биржев З.Р., Мархгейм М.В., Стус А.А., Федоров М.В. Генезис легализации интереса в Российском государстве // Вопросы истории. 2023. № 3-1. С. 80-87.
2. Дерюгина Т.В., Квициния Н.В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 3. С. 79-87.
3. Завгородняя А.А. Интерес как категория в праве и его интерпретация // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 4. С. 75-84.
4. Исаев И.А. Государственный интерес и дисциплинарный принцип как политические формы // История государства и права. 2023. № 12. С. 2-7.
5. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

6. Конституция (Основной закон) Российской Федерации – России (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) // <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/>

7. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936 г.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.

8. Максимов В.А. К вопросу о соотношении понятий «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «правовой интерес», «юридический интерес» // Правда и закон. 2017. № 2. С. 25-28.

9. Малинова А.Г. Возможны ли легальные определения понятий «интерес» и «законный интерес»? // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 64-65.

10. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик (утв. ЦИК СССР 06.07.1923 г.) // СУ РСФСР. 1923. № 81. Ст. 782.

11. Постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 г. «Об утверждении текста Конституции (Основного Закона) РСФСР» // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

12. Постановление Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21.01.1937 г. «Об утверждении Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» (вместе с Конституцией) // СУ РСФСР. 1937. № 2. Ст. 11.

13. Титенко Ю.В. Соотношение понятий «национальный интерес», «государственный интерес» // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2019. – Т. 34. – № 2. – С. 127-134.

14. Шигабутдинова А.Л. Интерес в структуре правореализационной деятельности // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 242-245.

References

1. Belousov N.V., Birezhev Z.R., Markheim M.V., Stus A.A., Fedorov M.V. Genesis of legalization of interest in the Russian state // Questions of history. 2023. No. 3-1. pp. 80-87.

2. Deryugina T.V., Kvitsinia N.V. Application of the category "public interest" in the regulation of private law relations // Legal paradigm. 2023. Vol. 22. No. 3. pp. 79-87.

3. Zavgorodnaya A.A. Interest as a category in law and its interpretation // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 4. pp. 75-84.

4. Isaev I.A. State interest and disciplinary principle as political forms // History of the state and law. 2023. No. 12. pp. 2-7.

5. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on 07/10/1918) // SU RSFSR. 1918. No. 51. Art. 582.

6. Constitution (Basic Law) of the Russian Federation – Russia (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the RSFSR of the ninth convocation on April 12, 1978) // <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/>

7. The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved By the Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR dated 05.12.1936) // News of the Central Executive Committee of the USSR and the Central Executive Committee. 1936. № 283.

8. Maksimov V.A. On the question of the relationship between the concepts of "legitimate interest", "legally protected interest", "legal interest", "legal interest" // Pravda and the Law. 2017. No. 2. pp. 25-28.

9. Malinova A.G. Are legal definitions of the concepts of "interest" and "legitimate interest" possible? // Eurasian Law Journal. 2020. № 8 (147). Pp. 64-65.

10. The Basic Law (Constitution) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Central Executive Committee of the USSR on 07/06/1923) // SU RSFSR. – 1923. No. 81. Article 782.

11. Resolution of the XII All-Russian Congress of Soviets of 05/11/1925 "On approval of the text of the Constitution (Basic Law) of the RSFSR" // SU RSFSR. 1925. No. 30. Article 218.12.

Resolution of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Soviets of 01/21/1937 "On approval of the Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic" (together with the Constitution) // SU RSFSR. 1937. No. 2. Article 11.

13. Titenko Yu.V. Correlation of the concepts of "national interest", "state interest" // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2019. Vol. 34. No. 2. pp. 127-134.

14. Shigabutdinova A.L. Interest in the structure of legal realization activity // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2023. No. 4. pp. 242-245.

**О СУБЪЕКТЕ ПРАВ, ЗАЩИЩАЕМЫХ ПРОКУРОРОМ
В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

Т.С. Назрицкая

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина
(Москва, Россия)

Резюме: В 2022 году произошли изменения арбитражного процессуального законодательства в части увеличения количества и характера дел, которые отныне рассматриваются с участием прокурора.

С учетом недавно внесенных вышеуказанных изменений в статье характеризуется деятельность прокурора в арбитражном процессе с точки зрения защищаемого им объекта. Автор анализирует научные исследования о полномочиях прокурора в арбитражном процессе и ставится под сомнение точка зрения и законодательно установленные положения о том, что прокурор участвует в арбитражном процессе в защиту только государственных и публичных интересов в соответствии с положениями Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ).

Автором выдвигается точка зрения о защите прокурором в арбитражном суде не только государственных интересов, но и интересов неопределенного, определенного круга лиц, а также частных интересов. Это обстоятельство, по мнению автора, в очередной раз доказывает необходимость дальнейшего расширения процессуальных полномочий прокурора в арбитражном суде и их соответствующего законодательного закрепления в целях укрепления законности, соблюдения прав участников судебного процесса, эффективности и оперативности защиты нарушенных прав.

Суждения и выводы подтверждаются автором с помощью примеров из судебной практики, анализа законодательства, позиций ученых.

Ключевые слова: прокуратура, арбитражный суд, административные правонарушения, публичный и частный интерес, решение суда, защита прав и интересов, законность

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-49-52

**ABOUT THE SUBJECT OF THE RIGHTS PROTECTED BY THE PROSECUTOR
IN THE ARBITRATION PROCESS**

Tatyana S. Nazritskaya

Kutafin Moscow state law university
(Moscow, Russia)

Abstract. In 2022, there were changes in the arbitration procedure legislation in terms of increasing the number and nature of cases that are now being considered with the participation of the prosecutor.

Taking into account the recent changes made above, the article characterizes the activities of the prosecutor in the arbitration process from the point of view of the object he protects. The author analyzes scientific research on the powers of the prosecutor in the arbitration process, and calls into question the point of view and legislatively established provisions that the prosecutor participates in the arbitration process in defense of only state and public interests in accordance with the provisions of the Code of Arbitration Procedure of the Russian Federation (hereinafter – the APC RF).

The author puts forward a point of view on the protection by the prosecutor in the arbitration court not only of state interests, but also of the interests of an indefinite, certain circle of persons, as well as private interests. This circumstance, in the author's opinion, proves once again the need to further expand the procedural powers of the prosecutor in the commercial court and their corresponding legislative support in order to strengthen the rule of law, respect for the rights of participants in the judicial process, and the effectiveness and efficiency of protecting violated rights.

The author's judgments and conclusions are supported by examples from judicial practice, analysis of legislation, and the positions of scientists.

Keywords: prosecutor's office, arbitration court, administrative offenses, public and private interest, court decision, protection of rights and interests, legality

Участие прокурора в АПК РФ регламентировано в статье 52, содержащей в себе перечисление дел, которые вправе инициировать прокурор и по которым он может участвовать в целях обеспечения законности.

Из смысла этой нормы ранее (до внесения изменений в октябре 2022 года) однозначно следовало, что прокурором в арбитражном суде осуществляется защита государственного интереса.

Следует подчеркнуть, что прокурор не указан среди лиц, которые имеют право обращаться в суд в интересах других субъектов. Однако исход из расширительного толкования положений ч. 1 ст. 53 АПК РФ к числу иных органов, обозначенных в норме статьи, может быть отнесена прокуратура.

Вопросы о предмете и объекте защиты прокурором в арбитражном суде исследовались, к примеру, в работах Ковалева А.А., Соколовой О.Г., Анаевой Е.А. и других.

Так, Ковалев А.А. отмечал, что понятие публичного интереса включает в себя интересы государства, неопределенного круга лиц и общества в целом.

Ученым также подчеркивалась необходимость предотвращения злоупотреблениями прокурорам своими полномочиями в целях чего, по его мнению, прокурору необходимо доказывать в процессе публичный характер защищаемых им правоотношений.

Из вышеизложенного следует, что предмет защищаемых прокурором в арбитражном суде интересов характеризуется исключительно публичностью (если исходить из вышеприведенного понятия публичности).

Это положение было бы абсолютно бесспорным, однако существуют две причины, которые могут вызвать дискуссию по этому поводу, одна из которых на сегодняшний день, к сожалению, носит теоретический характер, а вторая – практический.

Итак, в октябре 2022 года в ст. 52 АПК РФ внесены изменения, после которых, к примеру, прокурор наделили полномочиями по даче заключения при вступлении в

процесс на любой стадии в случае, когда в деле о несостоятельности (банкротстве) затрагиваются права граждан, в том числе несовершеннолетних.

Из этого положения явно следует, что прокурором в этом случае защищаются права определенной категории граждан.

Несмотря на то, что дело о банкротстве не инициируется прокуратурой, факт участия в деле в целях обеспечения законности указывает на охрану прав и интересов конкретных лиц. То есть даже если дело о несостоятельности (банкротстве) затрагивает права только одного лица, прокурор сможет принять участие в процессе по такому делу для обеспечения законности. Такие случаи законом не ограничиваются.

Вторая причина связана с инициируемыми прокурором делами об административных правонарушениях (не смотря на отсутствие таких полномочий в АПК РФ).

В сущности, заявление прокурора о привлечении к ответственности так или иначе связано не только с принятием мер по привлечению виновного лица к административной ответственности, но и с защитой прав различных субъектов правоотношений, в ряде случаев круг которых четко определен.

Приведем пример из судебной практики. В 2022 году заместитель прокурора г. Назрани по поступившему обращению организовал проверку исполнения арбитражным управляющим гражданина Т. (должник) законодательства о несостоятельности. Результат проверки показал, что арбитражный управляющий нарушил закон, поскольку не представил собранию кредиторов необходимую информацию о сделках и действиях должника, не совершил иные предусмотренные законом действия.

Это послужило основанием для направления прокуратурой заявления о привлечении арбитражного управляющего к ответственности по ч. 3 ст. 14. 13 КоАП РФ. Судом заявление прокурора рассмотрено и удовлетворено. Таким образом, в приведенном случае прокурор выступил в защиту прав кредиторов конкретного должника.

В судебной практике имеются решения арбитражных судов, свидетельствующие о защите прокурором прав конкретных лиц.

Так, в Арбитражный суд г. Москвы поступило заявление Московской Межрегиональной Транспортной прокуратуры об оспаривании постановления таможни о привлечении одной из коммерческих организаций к ответственности по ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ. В судебном процессе прокурором доказано, что таможней вышеуказанное решение вынесено незаконно, поскольку в действиях организации отсутствует состав вменяемого административного правонарушения. Требования прокурора удовлетворены, решение административного органа отменено.

В приведенном случае прокурором соответствующее заявление фактически направлено в интересах конкретного юридического лица – ООО ТК «РУСТА-БРОКЕР».

Оценивая вышеизложенное, предполагается возможным сделать вывод о том, что путем реализации своих полномочий прокурором осуществляется защита широкого круга субъектов различных правоотношений. Результат этой деятельности направлен на укрепление правопорядка. Вместе с тем недостаточное урегулирование полномочий прокурора в АПК РФ снижает эффективность реализации законодательства.

Список источников

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002. № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023) [Электронный ресурс].

Доступ к электронному ресурсу: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 28.08.2023).

2. Ковалев А.А. Защита прокурором публичных интересов в арбитражном процессе// Юридическая наука. 2019. С. 68.

3. Решение Арбитражного суда Республики Ингушетия от 17.11.2022 по делу № А18-694/2022 [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://kad.arbitr.ru/Card/c5ef9a70-e321-4045-906e-5568a5f07aae> (дата обращения: 28.08.2023).

4. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 03.08.2023 по делу № А40-89645/23-72-705 [Электронный ресурс]. Доступ к электронному ресурсу: <https://kad.arbitr.ru/Card/bbc264bc-0795-4a25-862c-aa6f4c3f4bcd> (дата обращения: 28.08.2023).

References

1. "Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" dated 07/24/2002 No. 95-FZ (as amended on 03/18/2023, with amendments. dated 06/22/2023) [Electronic resource]. Access to an electronic resource: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (date of appeal: 08/28/2023).

2. Kovalev A.A. Protection of public interests by the prosecutor in the arbitration process// Legal science. – 2019. – p. 68.

3. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Ingushetia dated 11/17/2022 in case No. A18-694/2022 [Electronic resource]. Access to an electronic resource: <https://kad.arbitr.ru/Card/c5ef9a70-e321-4045-906e-5568a5f07aae> (date of appeal: 08/28/2023).

4. Decision of the Arbitration Court of Moscow dated 08/03/2023 in case No. A40-89645/23-72-705 [Electronic resource]. Access to an electronic resource: <https://kad.arbitr.ru/Card/bbc264bc-0795-4a25-862c-aa6f4c3f4bcd> (date of application: 08/28/2023).

**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ
ПРАВООЗАЩИТНЫХ СОПРЯЖЕНИЙ**

А.Е. Новикова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

Резюме. Обеспечение единства правозащитного пространства является задачей различных уровней власти в федеративном государстве. В данном процессе задействованы органы универсальной и специальной правозащитной компетенции. Обновление российского законодательства о статусе уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации, включая новые форматы их сотрудничества с органами государственной власти и органами местного самоуправления, опосредуют научный интерес. В данной связи в статье автором на основе анализа отечественного законодательства представлены формы правозащитного взаимодействия уполномоченного по правам человека в субъектах Федерации с органами местного самоуправления; сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и итоговых отчетных документов в заявленной сфере. В частности, в работе представлены результаты, охватывающие заявленный правозащитный опыт города Москвы и Белгородской области. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что введение института общественных помощников региональных Уполномоченных по правам человека в муниципальных образованиях показывает обоюдное понимание необходимости повысить эффективность своей деятельности, желание приблизить и институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, и органы местного самоуправления к населению.

Ключевые слова: права человека, органы местного самоуправления, уполномоченный по правам человека, помощник, общественные приемные

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-53-59

**HUMAN RIGHTS IN THE ACTIVITIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT
BODIES: CONSTITUTIONAL GROUNDS FOR HUMAN RIGHTS RELATIONS**

Alevtina E. Novikova

Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)

Abstract. Ensuring the unity of the human rights space is the task of various levels of government in a federal state. The bodies of universal and special human rights competence are involved in this process. The updating of Russian legislation on the status of human rights commissioners in the constituent entities of the Federation, including new formats for their cooperation with public authorities and local governments, mediate scientific interest. In this regard, the author, based on the analysis of domestic legislation, presents the forms of human

rights interaction between the Commissioner for Human Rights in the subjects of the Federation and local self-government bodies; formulated proposals for improving legislation and financial accounting documents in the declared area. In particular, the paper presents the results covering the stated human rights experience of the city of Moscow and the Belgorod region. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the introduction of the institute of public assistants to regional human rights Commissioners in municipalities shows a mutual understanding of the need to increase the effectiveness of their activities, a desire to bring both the institution of the Commissioner for Human Rights in the subject of the Russian Federation and local governments closer to the population.

Keywords: human rights, local self-government bodies, Commissioner for Human rights, assistant, public reception rooms

В условиях обновленной конституционно предложенной модели единства системы публичной власти, современных общественно-политических запросов и правозащитных ожиданий [9, с. 205-209] считаем, что особая роль отведена органам местного самоуправления. Важность муниципального сектора публичной власти в правозащитном пространстве России мы связываем, прежде всего, с тем, что возрождение и развитие местного самоуправления как особой относительно самостоятельной системы явилось неотъемлемой основой конституционного строя новой российской государственности. Вместе с тем в юридической науке и на практике до сих пор не в полной мере исследовано ценностное значение человека, его прав и свобод в корреляции с институтом местного самоуправления [10, с. 15].

В отечественных и зарубежных источниках права человека и местное самоуправление типично рассматриваются как обособленные проблемы. Однако сама природа этих институтов современной демократии, их нормативное правовое содержание, функциональное назначение, механизмы реализации и гарантирования свидетельствуют о тесном взаимодействии, взаимопроникновении и взаимодополнении [8, с. 260-268].

В немногочисленных конституционных статьях, посвященных местному самоуправлению, отсутствуют упоминания о правозащитной деятельности этого властного сегмента. Из содержания ст. 130, 131 Конституции Российской Федерации, скорее, следует, что население выступает правообеспечительным и правозащитным субъектом в отношении местного самоуправления. В этой связи мы солидарны с позицией М.В. Мархгейм и полагаем, что здесь должна восторжествовать правозащитная обоюдность. Более того, есть основания утверждать, что муниципальные инвестиции в правозащитную деятельность могут оказаться самыми эффективными [7, с. 62].

Как известно, местное самоуправление довольно гармонично сочетает в себе публичную и непубличную составляющие. В связи с этим у местного самоуправления есть уникальный, истекающий из его сущности, правозащитный ресурс. Его аутентичность состоит в том, что органы местного самоуправления, будучи публичными структурами, могут действовать преимущественно в рамках дозволенного, а интеграции территориального общественного самоуправления как институты гражданского общества – в рамках незапрещенного. Объединяя вмененные и инициативные усилия, местное самоуправление, полагаем, способно внести существенную правозащитную лепту.

Можно продемонстрировать такой потенциал исходя из конституционно-правовых и институциональных возможностей.

Так, формальными основаниями участия органов местного самоуправления в реализации правозащитной деятельности являются их полномочия. Анализ норм Конституции Российской Федерации позволил выявить ряд таких полномочий: органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы (ч. 2 ст. 24); органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище (ч. 2 ст. 40); муниципальные учреждения здравоохранения оказывают гражданам бесплатную медицинскую помощь за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений (ч. 1 ст. 41); гражданам гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях (ч. 2 ст. 43) [1] и т.д.

В нормах Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» защита связывается с правами и законными интересами молодежи, потребителей, населением и территориями муниципальных образований от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [2] и др.

Таким образом, правозащитный потенциал органов местного самоуправления неоспорим.

Однако есть проблемы. И в этом смысле они привычно лежат в компетенционной и финансовой плоскостях. Компетенция – самая подвижная часть правового статуса местного самоуправления. Первоначально в нее входили лишь собственные полномочия, а также отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления законами Федерации и субъектов Федерации и подкрепленные материально из средств их бюджетов. Позднее компетенционную сферу местного самоуправления пополнил третий вид полномочий – решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения за счет собственных средств.

На наш взгляд, ввиду того, что такая инициативная сфера полномочий органов местного самоуправления не обеспечена финансами, участие муниципальной власти в правозащитной деятельности ограничено.

Оставляя эту заявленную проблему в статусе «извечных», все-таки акцентируем внимание на реальном правозащитном инструментарии органов местного самоуправления.

Муниципальный уровень власти не является государственным, а значит, не имеет трехзвенного функционального деления. В этой связи публичный муниципальный правозащитный сегмент имеет исключительно несудебный характер. Таким образом, соответствующими публичными субъектами в муниципальных образованиях являются законодательно определенные представительные и исполнительные органы местного самоуправления. В их распоряжении имеются как вмененные формы (работа с обращениями граждан), так и инициативные (учреждение новых институтов). Если в первом варианте муниципальные органы несут ответственность, предусмотренную законодательством, то во втором – получают преимущественно политические дивиденды, в том числе путем приращения доверия со стороны населения. Поэтому солидаризируемся с позицией М.В. Мархгейм и считаем, что у органов местного самоуправления есть серь-

езная мотивация стараться развивать муниципальную правозащитную структуру [7, с. 62].

В настоящее время институциональная правозащитная составляющая муниципального уровня проявляется в следующем.

Деятельность общественных приемных. К примеру, такие приемные Губернатора Белгородской области создаются органами местного самоуправления в целях организации регулярного приема граждан по личным вопросам, предоставления им возможности обращаться непосредственно к руководителям органов исполнительной власти и государственных органов власти на территории муниципальных образований, а также мониторинга актуальных проблем населения Белгородской области (п. 1.1) [5].

Как видим, заявленное в Конституции взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, на наш взгляд, является крепким правозащитным ресурсом в деятельности различных сегментов публичной власти.

Не исключением, а скорее даже образцовым правозащитным ориентиром здесь может выступить партнерство с Уполномоченным по правам человека в Белгородской области. Именно через взаимодействие законодательно установлен формат сотрудничества уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с муниципальными органами (ст. 12 Федерального закона от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации») [3].

Анализ ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в Белгородской области показал наличие в них специальной рубрики «Правовое просвещение и взаимодействие с общественными организациями и публичными органами власти». В порядке предложения, популяризации правозащитных возможностей органов местного самоуправления во взаимодействии с Уполномоченным по правам человека в Белгородской области можно в перспективе указанную рубрику разделить на несколько самостоятельных, уделив отдельное внимание заявленному взаимодействию.

Еще одним вектором взаимодействия являются помощники Уполномоченного по правам человека субъекта Федерации в муниципальных образованиях. В конце 2022 года в Московской области было принято Положение о помощниках Уполномоченного по правам человека в Московской области в муниципальных образованиях Московской области на общественных началах.

Помощники Уполномоченного осуществляют деятельность в целях содействия Уполномоченному по правам человека в Московской области в осуществлении его полномочий в соответствующем муниципальном образовании Московской области [6].

Интересно, что в механизме формирования пула помощников Уполномоченного предусмотрено и его участие, и мнение органов местного самоуправления. Так, Уполномоченный самостоятельно осуществляет подбор кандидатур на должность помощников Уполномоченного. При этом кандидатура помощника Уполномоченного согласовывается с главой соответствующего муниципального образования Московской области (п. 7) [6].

Полномочия помощника, отражающие законодательно заявленное взаимодействие:

- осуществляет сбор и доведение до руководителей информации о ситуации по соблюдению прав граждан на территории соответствующего муниципального образования Московской области;

– по поручению руководителей взаимодействует с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, действующими на территории соответствующего муниципального образования Московской области, органами государственной власти или иными государственными органами Московской области, органами местного самоуправления, общественными объединениями и другими организациями независимо от их организационно-правовых форм по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина и др.

Законом Белгородской области от 10 марта 2009 г. № 262 «Об Уполномоченном по правам человека в Белгородской области» также предусмотрено право иметь помощников, осуществляющих деятельность на общественных началах (ч. 1 ст. 15.1); право создавать на территории Белгородской области общественные приемные (ч. 2 ст. 15.1) [4].

Уточним, что такой опыт не является оригинальным, он и ранее был реализован в Республике Башкортостан, Московской, Саратовской и Свердловской областях (хоть и без законодательной коррекции). Полагаем, в настоящее время с учетом всех законодательных изменений целесообразно выработать единый регулятивный подход в субъектах Федерации к определению статуса помощников и общественных приемных.

Введение института общественных помощников региональных Уполномоченных по правам человека в муниципальных образованиях, на наш взгляд, показывает:

- обоюдное понимание необходимости повысить эффективность своей деятельности;
- желание приблизить и институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации, и органы местного самоуправления к населению.

Полагаем, именно взаимодействие следует расценивать в качестве надежного, а где-то даже компенсаторного механизма, придающего импульс развитию правозащитных отношений между уровнями власти, их универсальными и специализированными структурами.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 04.08.2023 г.) // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822; 2023. № 32 (Часть I). Ст. 6181.

3. Федеральный закон от 18.03.2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023 г.) // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1640; 2023. № 29. Ст. 5304.

4. Закон Белгородской области от 10.03.2009 г. № 262 «Об Уполномоченном по правам человека в Белгородской области» (ред. от 28.09.2022 г.) // <https://docs.cntd.ru/document/469024633?ysclid=ltbpr9rzqo303969664> (дата обращения 11.12.2023 г.).

5. Распоряжение Губернатора Белгородской области от 15.06.2012 г. № 389-р «Об организации работы общественных приёмных Губернатора области в муниципальных районах и городских округах» // <https://docs.cntd.ru/document/469026503?ysclid=ltbox4nylm739700425> (дата обращения 11.12.2023 г.).

6. Распоряжение Уполномоченного по правам человека в МО от 29.12.2022 г. № РУПЧ МО-181/2022 «Об утверждении Положения о помощниках Уполномоченного по правам человека в Московской области в муниципальных образованиях Московской области на общественных началах» // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Московской области <http://upch.mosreg.ru>, 29.12.2022 г.

7. Мархгейм М.В. Муниципальные инвестиции в правозащитную деятельность // Инновационные и традиционные механизмы повышения эффективности муниципальной реформы: федеральные стандарты и региональный опыт: материалы научно-практической конференции, состоявшейся 29 апреля 2008 г. в г. Белгород / общ. ред. Т.А. Бочарова, А.Н. Нифанов. Белгород: Белгор. обл. типография, 2008. С. 62.

8. Новикова А.Е. Роль местного самоуправления в минимизации правозащитных рисков // Роль органов местного самоуправления в формировании солидарного общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 5 июня 2012 г. / под общ. ред. В.Н. Потрясаева, Т.А. Бочаровой. Белгород, 2012. С. 260-268.

9. Новикова А.Е. Российский конституционализм: привнесенные риски // Проблемы конституционно-правового развития России. сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2022. С. 205-209.

10. Шишов П.В. Роль местного самоуправления в формировании правозащитных механизмов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 15.

References

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12.12.2008 No. 6-FKZ, dated 12/30/2008 No. 7-FKZ, dated 02/05/2014 No. 2-FKZ, dated 07/21/2014 No. 11-FKZ; as amended approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993, December 25; 2020, July 4.

2. Federal Law No. 131-FZ dated 06.10.2003 "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (as amended on 08/04/2023) // SZ RF. 2003. No. 40. St. 3822; 2023. No. 32 (Part I). St. 6181.

3. Federal Law of 03/18/2020, No. 48-FZ "On Commissioners for Human Rights in the Subjects of the Russian Federation" (ed. dated 07/10/2023) // Federal Law of the Russian Federation. 2020. No. 12. St. 1640; 2023. No. 29. St. 5304.

4. The Law of the Belgorod region dated 03/10/2009 No. 262 "On the Commissioner for Human Rights in the Belgorod region" (ed. dated 09/28/2022) // <https://docs.cntd.ru/document/469024633?ysclid=ltbpr9rzqo303969664> (date of application 11.12.2023).

5. Order of the Governor of the Belgorod region dated 06/15/2012 No. 389-r "On the organization of work of public receptions of the Governor of the region in municipal districts

and urban districts" // <https://docs.cntd.ru/document/469026503?ysclid=ltbox4nylm739700425> (accessed 11.12.2023).

6. Order of the Commissioner for Human Rights in the Ministry of Defense dated 12/29/2022 No. RUHR MO-181/2022 "On approval of the Regulations on Assistants to the Commissioner for Human Rights in the Moscow Region in municipalities of the Moscow Region on a voluntary basis" // Official website of the Commissioner for Human Rights in the Moscow Region <http://upch.mosreg.ru> , 12/29/2022

7. Markheim M.V. Municipal investments in human rights activities // Innovative and traditional mechanisms for improving the effectiveness of municipal reform: federal standards and regional experience: materials of a scientific and practical conference held on April 29, 2008 in Belgorod / general ed. T.A. Bocharova, A.N. Nifanov. Belgorod: Belgorod region printing house, 2008. p. 62.

8. Novikova A.E. The role of local self-government in minimizing human rights risks // The role of local self-government in the formation of a solidary society: materials of the international scientific and practical conference, Belgorod, June 5, 2012 / under the general editorship of V.N. Shaken, T.A. Bocharova. Belgorod, 2012. pp. 260-268.

9. Novikova A.E. Russian constitutionalism: introduced risks // Problems of constitutional and legal development of Russia. collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the Constitution Day of the Russian Federation. Rostov-on-Don, 2022. pp. 205-209.

10. Shishov P.V. The role of local self-government in the formation of human rights mechanisms: Diss. ... cand. Jurid. Sciences. M., 2009. p. 15.

ПОНЯТИЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ И РЕПУТАЦИОННОГО ВРЕДА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

М.А. Перепелица, В.О. Калягина

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Резюме. В данной статье уделено внимание проблемным аспектам определения критериев и правил при возмещении ущерба нанесённого деловой репутации физического или юридического лица в результате репутационного вреда. Авторы исследуют содержание и взаимосвязь понятий деловой репутации и репутационного вреда, приводят доктринальные позиции учёных по этому вопросу и их аргументы. Основной мыслью статьи является обоснование вывода о необходимости возмещения материального вреда с целью восстановления имущественного права для защиты деловой репутации в полном смысле слова. Целью статьи является выделение критериев, с помощью которых определяется размер имущественного ущерба деловой репутации лица вследствие нанесённого репутационного вреда. Актуальность статьи обосновывается увеличением возможностей в современном цифровом мире распространять недостоверную и порочащую деловую репутацию лица информацию, что, может, и наносит вполне реальный имущественный вред, выраженный в конкретной сумме, вплоть до банкротства. При исследовании поставленной проблемы автором были использованы общие и специальные правовые методы: формально-юридический, логический, системный, методы анализа и синтеза, обобщение полученной информации. Авторы приходят к выводу, что возмещение убытков вследствие нанесения репутационного вреда является важным и необходимым элементом в системе полноценного восстановления нарушенного права юридического или физического лица, так как его защита будет осуществляться и в сфере имущественного права, и в области неимущественного права. Возмещение убытков в реальных гражданских правоотношениях в сфере нанесения такого вреда деловой репутации поддаётся точному расчёту, который к тому же можно подтвердить юридическими документами и финансовыми (договора, балансы, расчёты и др.).

Ключевые слова: деловая репутация, репутационный вред, физическое лицо, юридическое лицо, имущественное право, личное неимущественное право, критерии определения вреда, ущерб, банкротство

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-60-67

THE CONCEPT OF BUSINESS REPUTATION AND REPUTATIONAL HARM: PROBLEMATIC ASPECTS

Maria A. Perepelitsa, Valentina O. Kaliagina

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Abstract. This article focuses on the problematic aspects of determining criteria and rules for compensation for damage caused to the business reputation of an individual or legal entity as a result of reputational damage. The author explores the content and interrelation of

the concepts of business reputation and reputational harm, cites the doctrinal positions of scientists on this issue and their arguments. The main idea of the article is to substantiate the conclusion that it is necessary to compensate for material damage in order to restore property rights, to protect business reputation in the full sense of the word. The purpose of the article is to highlight the criteria by which the amount of property damage to a person's business reputation is determined as a result of the reputational damage caused. The relevance of the article is justified by the increase in opportunities in the modern digital world to disseminate unreliable and discrediting information about a person's business reputation, which can (and does) quite real property damage, expressed in a specific amount up to bankruptcy. In the study of the problem posed by the author, general and special legal methods were used: formal legal, logical, systematic, methods of analysis and synthesis, generalization of the information received. The authors conclude that compensation for losses caused as a result of reputational damage is an important and necessary element in the system of full restoration of the violated right of a legal or physical person, since its protection will be carried out both in the field of property law and in the field of non-property law. Compensation for losses in real civil law relations in the field of causing such damage to business reputation is amenable to accurate calculation, which can also be confirmed by legal and financial documents and financial (contracts, balance sheets, calculations, etc.).

Keywords: business reputation, reputational harm, individual, legal entity, property law, personal non-property law, criteria for determining harm, damage, bankruptcy

Понятия «деловая репутация» и «репутационный вред» являются гражданско-правовыми категориями и изучаются в рамках науки гражданского права. Это взаимосвязанные друг с другом правовые явления, так как репутационный вред не может возникнуть, если предварительно у субъекта права не была наработана или сформирована деловая репутация, а деловая репутация – это ценность, которую надо защищать в случае нанесения ей репутационного вреда. Соответственно, деловая репутация, как и все остальные гражданско-правовые блага, нуждается в защите со стороны правопорядка, а репутационный вред в критериях его определения.

Актуальность обозначенной проблемы связана с тем, что в современном мире с его уровнем развития цифровых технологий и сети Интернет увеличились случаи нанесения репутационного вреда организациям и физическим лицам, особенно на рынке высоко конкурирующих товаров и услуг. Распространение ложной и порочащей информации происходит в течение одного дня, практически молниеносно и охватывает широкий круг аудитории, которая является клиентами, инвесторами или потребителями соответствующих услуг или товаров. В результате таких действий наносится не только ущерб в сфере неимущественных прав лица (имиджу, деловой репутации, сложившемуся мнению), а и в сфере имущественных, что выражается в конкретной сумме ущерба. Однако вопрос об определении критериев имущественного ущерба носит дискуссионный характер в науке, а в практике выражен различными методиками его расчёта в зависимости от правовой ситуации и сферы, в которой был нанесён репутационный вред. Между тем вопрос о возмещении такого вреда крайне важен, так как организации или физическому лицу, которому он нанесен, будет мало пользы – если, пусть и в судебном порядке, его «доброе имя» будет восстановлено без возмещения понесённых материальных убытков. Ведь можно уже быть банкротом к концу судебного заседания,

но с восстановленной деловой репутацией. Поэтому для полной защиты такого блага, как деловая репутация лица – необходимо его восстановление не только в сфере нематериальных прав, но и в материальной области. В свою очередь, это послужит превентивной мерой и для потенциальных правонарушителей, которые даже в случае проигрыша дела в суде могут отделаться всего лишь опровержением неправдоподобной информации и возмещением судебных расходов. А конкурент уже будет финансово слабее. Все эти моменты обуславливают значимость поднятого вопроса.

Сложность и противоречивость деловой репутации выражается в том, что по своей сути она является нематериальным благом, неотъемлемым от физических и юридических лиц. Если в отношении возмещения материального вреда, нанесённого имущественным интересам субъектов права, законодателем детально разработаны механизмы и средства их защиты (конкретные расчёты, экспертизы, понятие упущенной выгоды, просроченные обязательства, проценты и др.), то в отношении такого явления, как деловая репутация и нанесённый ей вред – в теории и практике не сложилось однозначного понимания и разрешения некоторых, существующих в связи с этим проблем.

Одним из наиболее важных представляется вопрос определения суммы (конкретного размера) ущерба, нанесённого деловой репутации физического или юридического лиц, вследствие наступления негативных обстоятельств в виде репутационного вреда. Одни учёные и теоретики права вообще не признают такого понятия, как репутационный вред, а следовательно, вопрос об определении его критериев не имеет место [1, с. 45], [2, с. 97], [3, с. 435]. Применительно к юридическому лицу они аргументируют это тем, что: «...поскольку организация как субъект гражданских отношений - лицо неодушевлённое, искусственная правовая конструкция, не имеющая телесной оболочки, не обладающая сознанием и психикой, поэтому организация ни при каких обстоятельствах не может страдать (мучиться) ни физически, ни нравственно» [5, с. 259].

Другие полагают, что в случае распространения сведений, порочащих деловую репутацию лица – она должна иметь такие же механизмы восстановления, как и возмещение морального вреда, когда речь идёт о клевете в отношении физического лица [4, с. 22], [6, с. 25], [7, с. 138]. Например, А. В. Шачинин пишет, что: «Установленное в пункте 7 ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее, ГК РФ), право юридического лица на защиту деловой репутации аналогично праву на защиту деловой репутации гражданина» [10, с. 7]. Мы поддерживаем сторонников второй группы. Во-первых, если продолжить вывод, сделанный А. В. Шачиным, то следует сказать, что будет неправомерным одним субъектам права представлять возможности для защиты своей деловой репутации, а другим – в этом отказывать. Тогда следует признать дискриминационный подход по критерию вида субъекта права. Во-вторых, в правовой науке уже сделан вывод о том, что юридическое лицо – это «правовая фикция», за которой стоят вполне живые физические лица. А значит, при нанесении репутационного вреда – и страдать будут физически лица, стоящие за юридическим лицом (это может быть директор, руководитель такого лица, то есть тот, кто вложил свой труд и средства в создание положительной деловой репутации). И, в-третьих, по нашему мнению, репутационный вред может иметь и имеет вполне серьёзные имущественные последствия для деятельности лица – от падения объёмов продаж до банкротства. Далекое за примерами ходить не надо. Еще двести-триста лет назад, если кто-то имел умысел обанкротить банк, то достаточно было просто объявить через возможные на то время средства

массовой информации, что в банке нет достаточных средств для возврата вкладчикам, не предъявляя при этом никаких доказательств. И уже на следующий день обеспокоенные вкладчики торопились забрать свои деньги из банка. Это, предсказуемо, приводило к его банкротству. К сожалению, этот «метод» работает и в современном мире.

Здесь нужно обратить внимание на одну важную мысль: деловая репутация как нематериальное явление, берущее своё начало в сфере личных неимущественных прав лица, при нанесении ей репутационного вреда заканчивается областью нарушения имущественных прав, вполне материальных по своей сути. Другими словами, при нанесении репутационного вреда деловой репутации субъекта права, независимо от его статуса и организационно-правовой формы, наступает имущественный ущерб и материальные потери в реальных гражданских правоотношениях. Поэтому, признавая понятие деловой репутации за субъектами права – необходимо выработать и критерии определения её материального выражения.

В науке гражданского права под деловой репутацией в целом понимается общественная оценка, приобретаемая в процессе профессиональной или предпринимательской деятельности, широко распространённое мнение о деловых и профессиональных качествах человека или юридического лица [8, с. 77], [11, с. 76]. Из этого определения можно вывести следующие положения. Во-первых, деловая репутация распространяется на всех без исключения субъектов права – физических лиц, физических лиц – субъектов предпринимательской деятельности, самозанятых субъектов, юридических лиц и их объединений. То есть любой субъект права в результате своей деятельности имеет возможность сформировать такое свойство, как деловая репутация. Во-вторых, деловая репутация не возникает одновременно с момента образования субъекта права (регистрация, сертификация, лицензирование и др.). Как следует из научного определения, деловая репутация должна быть именно приобретена в процессе профессиональной или предпринимательской деятельности лица. Сколько потребуется для этого времени – вопрос открытый, и это зависит от различных факторов и обстоятельств. Возможен и такой вариант, что лицо так и не сможет сформировать о себе деловую репутацию на протяжении длительного времени работы на рынке соответствующих товаров или услуг. А возможен и противоположный вариант – например, в случаях со стартапами. Только что открывшееся юридическое лицо или физическое лицо – предприниматель (самозанятый) менее чем за полгода может приобрести широкую известность и положительную деловую репутацию в результате предоставления новых инновационных услуг или предложения нового подхода к какому-либо виду деятельности и др. Главный момент здесь заключается в том, что деловая репутация не может возникать автоматически с регистрацией юридического лица или физического лица – предпринимателя. В третьих, деловая репутация – это своеобразный пассивный актив в том смысле, что сначала лицо активно работает на её приобретение и закрепление, а затем, на определённом этапе времени, – уже сама деловая репутация приносит ему дополнительные «дивиденды» в полном материальном смысле, потому что повышает экономическую ценность деятельности субъекта и выделяет её среди других аналогичных видов деятельности. Данный вывод можно подтвердить конкретной нормой права: в соответствии с Приказом Министерства Финансов Российской Федерации от 06.10.2008 г. № 106 н «Об утверждении положений по бухгалтерскому учёту «Учёт нематериальных активов» (ПБУ 14/2007) стоимость приобретённой деловой репутации определяется

расчётным путём как разница между покупной ценой, уплачиваемой продавцу при приобретении предприятия как имущественного комплекса, и суммой всех активов и обязательств по бухгалтерскому балансу на дату его покупки. Положительную деловую репутацию следует рассматривать как надбавку к цене, уплачиваемую покупателем в ожидании будущих экономических выгод¹. И в-четвёртых, понятие деловая репутация не означает только положительный аспект, а может характеризоваться как отрицательная. Отрицательная деловая репутация формируется вследствие двух причин – либо субъект самостоятельно её «заработал», либо его вполне благополучной деловой репутации был нанесён репутационный вред, в результате чего последняя приобрела отрицательный оттенок. Для рассмотрения вопроса о критериях определения репутационного вреда будет правильным определиться с содержанием данной категории.

Репутационный вред понимается в науке гражданского права как неблагоприятные последствия нематериального характера, заключающиеся в утрате положительного отношения клиентов, в том числе потенциальных, контрагентов, инвесторов к определённой организации, наступившие по причине умаления её деловой репутации распространением порочащих ложных сведений [12, с. 278]. Следует согласиться и с выводом А. А. Селина, специалиста в сфере возмещения репутационного вреда, который отмечал следующее: «В гражданском законодательстве следует предусмотреть право юридического лица на компенсацию репутационного вреда, дав ему самостоятельное определение, отличное от понятия морального вреда, причиняемого гражданину» [9, с. 160]. Это правильное утверждение, так как в реальности лицо каждый день несёт имущественные потери в виде падения уровня продаж своих товаров или услуг, не заключённых или досрочно разорванных по инициативе другой стороны контрактов, потери возможности будущих вложений в свою деятельность и её расширения и др. А в конечном итоге, как уже говорилось ранее, – можно прийти и к угрозе банкротства.

Перед тем как изучить вопрос о расчёте ущерба, нанесённого вследствие причинения репутационного вреда, следует сказать, что в законе закреплены для этого все основания. Первое, из чего необходимо исходить, это то, что в соответствии с п. 2 ст. 2 ГК РФ «Неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством»². И второе закреплено в п. 1 ст. 6 ГК РФ, а именно «в случаях, когда предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы законодательством или соглашением сторон, и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу, применяется гражданское законодательство, регулирующее сходные отношения (аналогия закона)»³. То есть, исходя уже из данных норм права, следует сразу сказать, что отказать физическому или юридическому лицу в праве на возмещение материального вреда, нанесённого в результате причинения репутационного вреда, является незаконным.

¹ Об утверждении положений по бухгалтерскому учёту: приказ Министерства Финансов Российской Федерации от 06.10.2008 г. № 106 н ФЗ // Доступ на СПС Консультант-Плюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51 – ФЗ // Доступ на СПС Консультант-Плюс».

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51 – ФЗ // Доступ на СПС Консультант-Плюс».

К критериям, определяющим нанесения репутационного вреда и нарушения имущественного права лица, следует относить следующие: 1) расчёт убытков – сколько клиентов было потеряно с момента распространения недостоверных и порочащих деловую репутацию сведений, и на какую сумму они могли бы приобрести у лица товаров или услуг, если бы такие сведения не имели места; 2) расчёт убытков – сколько было расторгнуто договоров или контрактов с контрагентами и инвесторами о сотрудничестве, и на какую сумму был понесён ущерб в результате этого; 3) расчёт убытков – насколько упал объём продаж товаров, работ, услуг именно за период, с которого порочащие деловую репутацию сведения были размещены, и какая прибыль была в связи с этим потеряна; 4) расчёт убытков – насколько пришлось физическому или юридическому лицу сократить свою деятельность (закрыть филиалы и подразделения, сократить работников, реорганизовать своё производство в сторону сжатия), и какие доходы были утрачены вследствие этих действий); 5) расчёт убытков – какие конкретно расходы понесло юридическое или физическое лицо в результате продажи своей собственности или имущества (иных активов). Здесь речь идёт о тех ситуациях, когда к субъекту права, деловую репутацию которого опорочили, предъявляют претензии по возврату денежных средств контрагенты в рамках проектов, в которые уже вложены такие средства. В результате чего юридическое или физическое лицо вынуждено продавать свои активы, собственность, чтобы погасить эти претензии; 6) расчёт убытков – в случаях увеличения контрольных мероприятий и проверок со стороны государственных органов. Речь идёт о ситуациях, когда в результате распространения негативной и недостоверной информации (о правонарушениях, преступлениях) – к лицу повышается внимание со стороны государственных органов и увеличивается количество проводимых контрольных действий, что, конечно же, отвлекает субъекта права от осуществления им своей основной деятельности, что тоже выражается в материальных потерях. Кроме этого, такое внимание соответственно отпугивает всех добросовестных контрагентов, клиентов и инвесторов от сотрудничества с опороченным субъектом права. Вышеназванные расчёты необходимо подтвердить документально, что также не представляет особой сложности, потому что юридическое или физическое лицо при осуществлении своей деятельности составляет планы, прогнозы и аналитические расчёты на будущие периоды. В некоторых отдельных случаях этого требует закон (например, расчёт ожидаемой прибыли или доходов при уплате определённых видов налогов). Это далеко не исчерпывающий перечень критериев, которые могут материально выразить имущественные убытки и потери юридического или физического лиц, в результате нанесения репутационного вреда их деловой репутации.

Таким образом, возмещение убытков, нанесённых вследствие причинения репутационного вреда, является важным и необходимым элементом в системе полноценного восстановления нарушенного права юридического или физического лица, так как его защита будет осуществляться и в сфере имущественного права, и в области неимущественного права. Возмещение убытков в реальных гражданских правоотношениях в сфере нанесения такого вреда деловой репутации поддаётся точному расчёту, который к тому же можно подтвердить юридическими и финансовыми документами (договора, балансы, расчёты и др.).

Список источников

1. Боннер А. Л. Можно ли причинить моральный вред юридическому лицу? // Российская юстиция. 1996. № 6. С. 43-52.
2. Борисова В. Б. Защита деловой репутации юридических лиц в арбитражном процессе // Эпомен. 2020. № 50. С. 92-97.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. первая. М. 2001. 726 с.
4. Киракосян С. А. Репутационный вред юридического лица: особенности доказывания и судебная практика // Вестник арбитражной практики. 2017. № 2. С. 18-24.
5. Кобзаренок Е. М. Некоторые проблемы правоприменительной практики при рассмотрении гражданских дел о защите деловой репутации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 256-263.
6. Копьев В. В. Компенсация морального вреда чести и деловой репутации юридических лиц // Закон и право. 2004. № 4. С. 24-27.
7. Мойсиевич И. В. Основные направления совершенствования компенсации морального вреда при защите деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности // Электронный научный журнал. 2022. № 5 (32). С. 136-141.
8. Переверзев А. С. Нарушение право юридического лица на деловую репутацию путём распространения сведений // Вестник Ессетукского института управления, бизнеса и права. 2015. № 11. С. 76-79.
9. Селина А. А. Некоторые вопросы применения опровержения как способа защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан // Проблемы теории и практики современной науки. 2016. № 5. С. 156-161.
10. Шачинин А. В. Проблемы становления и перспективы развития института возмещения морального вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 1995. 32 с.
11. Шокотько М. А. Репутационный вред юридического лица: особенности доказывания // Право и управление. 2022. № 10. С. 75-78.
12. Эрделевский А. М., Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М.: Вольфрес Клувер, 2004. 458 с.

References

1. Bonner A. L. Is it possible to cause moral harm to a legal entity? // Russian Justice. 1996. № 6. Pp. 43-52.
 2. Borisova V. B. Protection of the business reputation of legal entities in the arbitration process // Epomen. 2020. No. 50. Pp. 92-97.
 3. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contractual law. The first book. M. 2001. 726 p.
 4. Kirakosyan S. A. Reputational harm of a legal entity: features of proof and judicial practice // Bulletin of Arbitration Practice. 2017. No. 2. Pp. 18-24.
 5. Kobzarenok E. M. Some problems of law enforcement practice in the consideration of civil cases on the protection of business reputation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2020. № 1 (132). Pp. 256 – 263.
 6. Kopyev V. V. Compensation for moral damage to the honor and business reputation of legal entities // Law and Law. 2004. No. 4. From 24-27.
-

7. Moisieвич I. V. The main directions of improving compensation for moral damage in protecting the business reputation of business entities // Electronic scientific journal. 2022. № 5 (32). Pp. 136-141.

8. Pereverzev A. S. Violation of the right of a legal entity to business reputation by dissemination of information // Bulletin of the Essetuki Institute of Management, Business and Law. 2015. No. 11. Pp. 76-79.

9. Selina A. A. Some questions of the use of refutation as a way to protect the honor, dignity and business reputation of citizens // Problems of theory and practice of modern science – 2016. No. 5. Pp. 156-161.

10. Shachinin A.V. Problems of formation and prospects of development of the institute of compensation for moral damage. Autoref. diss. cand. jurid. M. 1995. 32 p.

11. Shokotko M. A. Reputational harm of a legal entity: features of proof //Law and management. 2022. No. 10. pp. 75-78.

12. Erdelevsky A.M., Compensation for moral damage: analysis and commentary of legislation and judicial practice. 3rd ed., ispr. and add. M.: Voltres Kluver, 2004. 458 p.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ФУНКЦИЯХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО РИСКА В ДОКТРИНЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

М.А. Перепелица, Г. В. Шачков

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Резюме. В статье уделяется внимание актуальной тематике, на которую неоднократно обращалось внимание в доктрине гражданского права, а именно, соотношение объективного и субъективного начал в содержании понятия «предпринимательский риск». В связи с тем, что риск является одним из существенных признаков предпринимательской деятельности, он не может быть устранимым в полной степени или на постоянной основе. Анализируя объективную и субъективную компоненту предпринимательского риска, делаем вывод о том, что первая не зависит от воли и действий субъекта предпринимательской деятельности, а вторая представляет собой психическое отношение лица к случайным последствиям своего поведения и допущения этих последствий. В статье обосновывается имущественный, и в меньшей степени, неимущественный характер предпринимательского риска, а также подчеркивается, что сфера его возникновения и распространения «проникает» не только в частные, но и в публичные отрасли права – финансовое, налоговое, административное, градостроительное и пр.

Применительно к содержанию предпринимательского риска исследуются его функции, оказывающие влияние на степень и вероятность его наступления: аналитическая, защитная и инновационная. В статье были использованы следующие методы исследования: логический, системный, анализ, синтез, обобщение полученной информации, а также специальные правовые методы, такие как формально-юридический и сравнительно-правовой.

Ключевые слова: предпринимательский риск, объективная и субъективная компонента, имущественный признак, аналитическая, защитная и инновационная функция

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-68-74

ON THE ISSUE OF THE CONTENT AND FUNCTIONS OF ENTREPRENEURIAL RISK IN THE DOCTRINE OF CIVIL LAW

Maria A. Perepelitsa, Gennady V. Shachkov

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Abstract. The article focuses on the issue of the objective and subjective component in the content of entrepreneurial risk in the doctrine of civil law. Due to the fact that risk is one of the signs of entrepreneurial activity, it is a completely irreversible phenomenon. Therefore, the author draws attention to the objective and subjective component of entrepreneurial risk, coming to the conclusion that the first does not depend on the will and actions of the

business entity, and the second represents the mental attitude of a person to the accidental consequences of his behavior and the assumption of these consequences. The article substantiates the property nature of entrepreneurial risk, and to a lesser extent, non-property risk, and also emphasizes that the scope of its occurrence and spread covers not only private branches of law, but also public ones - financial, tax, administrative, urban planning.

With regard to the content of entrepreneurial risk, its functions are investigated, which allow influencing the degree and probability of occurrence: analytical, protective and innovative. The following research methods were used in the article: logical, systematic, analysis, synthesis, generalization of the information received, as well as special legal methods such as formal legal and comparative legal.

Keywords: entrepreneurial risk, objective and subjective component, property attribute, analytical, protective and innovative function

Понятие «риск» - многогранная и сложная категория науки гражданского права, сопровождающая практически каждый ее институт: ответственность за нарушение обязательств, обязательства вследствие причинения вреда, обязательства вследствие неосновательного обогащения, правовое регулирование ценных бумаг, наследственное право и пр. Особое внимание обращает на себя проблема предпринимательского риска, как вида риска экономического, потому что именно в сфере предпринимательской деятельности можно наблюдать наиболее высокую степень вероятности и многообразия наступления неблагоприятных последствий как объективного, так и субъективного характера. Риск присущ любой сфере деятельности человека, но особенно активно проявляет себя в сфере предпринимательства, где многие решения принимаются лицом с определенной степенью неизвестности и неопределенности. Поэтому данный вопрос, еще начиная с дореволюционной науки гражданского права, находится в поле зрения многих ученых и исследователей, вследствие чего будет правильным говорить о существовании в науке гражданского права доктрины предпринимательских рисков.

Анализируя поставленный вопрос, необходимо обратиться к работам известных ученых в данной сфере. В дореволюционный период (до 1917 года) наиболее известным ученым-цивилистом, занимавшимся проблемами риска, был Д. И. Мейер, который отмечал, что «каждое обязательство сопровождается риском или страхом» [1, с. 420], а также «если действия, составляющие предмет обязательства, оказываются невозможными, то они составляют страх по обязательству» [1, с. 115]. Обращает на себя внимание то, что Д. И. Мейер отождествляет понятия риска и страха. По-видимому, это было связано, в том числе, и с тем фактом, что действующее на том историческом этапе гражданское законодательство в большинстве случаев применяло термин «страх» вместо «риск». Так, в соответствии с Гражданским уложением, «если имущество соответствует договору, то должник считается исполнившим обязательство, и *страх* за случайную гибель или случайное повреждение имущества и издержки по хранению обязан нести веритель, а при продаже движимого имущества до передачи его покупщику *страх* несет продавец» [2]. Но не стоит думать, что ученый заблуждался, понимая под риском именно страх. Ведь риск по своей сути и представляет собой страх от ожидания наступления (осуществления) какой-либо угрозы или неблагоприятного последствия в жизни лица. И страх этот тем сильнее, чем меньше лицо влияет на ситуацию либо имеет возможность ее спрогнозировать. Ведь любое, даже самое, казалось бы, гарантированно

обеспеченное обязательство подвержено риску неисполнения или ненадлежащего исполнения по независящим от обязанного лица причинам или обстоятельствам (форс-мажор). Аналогичных позиций придерживались и другие дореволюционные ученые-цивилисты [3] [4] [5]. Но, конечно же, применительно к современному гражданскому законодательству следует признать, что понятие «страх» по своей природе все же является не юридическим, а, скорее, социальным или философским. Поэтому в современной науке гражданского права правильнее и логичнее применять термин «риск». Это подтверждается и необходимостью последующей классификации рисков в науке, которая является более понимаемой и воспринимаемой субъектами гражданского оборота, чем, как если бы речь шла, например, о классификации страхов.

В советский период наиболее известным исследователем риска в гражданском праве был В. А. Ойгензихт, написавший доктринальную работу «Проблема риска в советском гражданском праве», где он обратил внимание на субъективный фактор, как основополагающий в содержании риска. По его мнению, «риск – это психическое отношение субъекта к случайным последствиям своего поведения, допущения этих последствий, психического, волевого регулирования поведения в определенных ситуациях. В этом процессе один из основных элементов – выбор. Особое значение выбору придается в ситуации неопределенности или относительной определенности, когда перед субъектом возникает несколько альтернатив, вероятность наступления которых, возможные последствия нужно оценить и определить. Причем субъекту известно, какие последствия могут наступить, но неизвестно, могут ли они наступить» [6, с. 41]. Следует согласиться с данным ученым, так как, если экстраполировать его вывод исключительно на предпринимательский риск, то, субъективный фактор и проблема выбора лицом здесь очевидна. Субъект предпринимательской деятельности имеет определенный диапазон моделей поведения с возможностью просчитать, оценить и предугадать последствия от своего выбора. Например, прежде чем заключать выгодную сделку с контрагентом на подозрительно удобных условиях – у него есть возможность изучить историю его деятельности, побеспокоиться о его деловой репутации, получить информацию из соответствующих баз данных и т.д., чему, безусловно, способствует процесс цифровизации информации в различных сферах хозяйственной деятельности. Это позволит принять менее рискованное решение и отказаться от подозрительно выгодной сделки, если к этому есть соответствующие основания. В этой связи будет правильным привести вывод В. В. Мамчуна, написавшего, что «функциональным назначением института экономического, соответственно, и предпринимательского риска является возможность устанавливать правила, позволяющие свести к минимуму возможные вредоносные последствия негативных действий и явлений» [7, с. 97]. Следовательно, субъективный фактор имеет решающее значение в содержании понятия «предпринимательского риска», так как позволяет заведомо предотвратить наступление негативных результатов и угроз.

Но в науке гражданского права есть и объективная концепция риска, суть которой сводится к тому, что риск существует независимо от психического отношения лица к действиям, которые он совершает или, напротив, от совершения которых отказывается. Так, А. А. Собчак определяет риск как «опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера) в том случае, если в отношении указанных последствий нет определенности их наступления» [8, с. 55].

Аналогичной позиции придерживался и О. А. Пастухий, отмечавший, что «риск рассматривается как категория, существующая независимо от воли и сознания человека. Поэтому риск не может быть отменен или подменен психическим отношением субъекта к своим рискованным действиям» [9, с. 58]. Исходя из данных позиций, можно сказать, что данные ученые полностью отвергают наличие субъективного фактора в содержании риска и его проявлении вовне. В такой ситуации представляется верным признавать за риском две стороны: субъективную и объективную. Субъективная действительно в полной степени связана с волей и выбором человека, который анализирует все возможные и подвластные ему варианты исхода событий. При этом надо понимать, что такой выбор лицо осуществляет только в рамках имеющихся у него возможностей, информации и собственных аналитических способностей по оценке ситуации. Объективная сторона риска всегда имеет место быть, несмотря на фактор полной субъективной уверенности лица в благоприятном исходе задуманного. Объективные жизненные обстоятельства не зависят от воли и аналитических просчетов лица. Поэтому совмещение этих философских сторон жизни человека неумолимо присутствуют и в таком ее проявлении, как риск. При этом трудно утверждать, какая компонента (объективная или субъективная) присутствует в большей степени в содержании предпринимательского риска, так как все зависит от конкретной ситуации.

Сущность предпринимательского риска выражается в том, что он практически всегда носит имущественный характер, и в меньшей степени, неимущественный (хотя последний также может приводить к имущественным потерям). Как верно пишет И. А. Волкова: «Предпринимательский риск – это опасность наступления неблагоприятных событий для хозяйствующего субъекта, которые обернутся для предпринимателя расходами, которые он должен будет произвести для восстановления нарушенных прав, а также в неполучении доходов, которые он мог бы получить при обычных условиях хозяйствования» [10, с. 10]. Предпринимательская деятельность осуществляется с целью получения прибыли, это ее неперемный признак. Значит, все действия, реализуемые субъектом предпринимательской деятельности, направлены на имущественные сделки в различных сферах хозяйственного оборота, что позволяет говорить о материальном содержании рисков, возникающих в данной сфере. Это подтверждается и законодательным определением. Так, в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, под предпринимательским риском понимается риск убытков от предпринимательской деятельности из-за нарушения своих обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий этой деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам, в том числе риск неполучения ожидаемых доходов (абз. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ). Неимущественный характер риска проявляет себя в ситуациях, когда лицо сталкивается с порочащими его деловую репутацию сведениями. Понижение его делового статуса приводит к потерям рынков, снижению объемов продаж, уменьшению круга покупателей и пр. Уместным здесь будет сказать, что в экономическом смысле деловая репутация, являющаяся, по сути, нематериальным благом, представляет собой разницу между активами организации и их итоговой стоимостью. То есть, как видим, и в этом случае риск потери деловой репутации (нематериального блага) выражает себя через имущественную компоненту.

Включая понятие предпринимательского риска исключительно в гражданско-правовую сферу, мы тем самым ограничиваем его содержание только частным право-

вым регулированием, тогда как основаниями его возникновения могут быть и публичные правоотношения. Например, субъект предпринимательской деятельности в результате неправомерного решения налогового органа о взыскании его денежных активов вследствие неуплаты налогов (по мнению публичного властвующего субъекта) понес убытки на значительную сумму, что в дальнейшем вынудило его уменьшить масштаб своей предпринимательской деятельности. Как видим, угроза здесь возникла и реализовалась в рамках публичных правоотношений – налоговых, а последствия отразились в частных – гражданских. То есть в практике возникает большое количество споров между субъектами предпринимательской деятельности и государственными органами на различных уровнях управления в контрольной, фискальной, финансовой и иных областях, приводящих к имущественным потерям и наступлению непредвиденных, на первый взгляд со стороны предпринимателей, рисков. Следовательно, основаниями возникновения риска в предпринимательской сфере могут выступать не только диспозитивные, но и императивные факты. А значит, определение предпринимательского риска (его оснований), данное в ГК РФ, – является односторонним и не отражающим все аспекты его возникновения. Ведь единственными основаниями его возникновения кодекс называет нарушение обязательств контрагентами предпринимателя или изменения условий предпринимательской деятельности по независящим от предпринимателя обстоятельствам. Видимо, под вторым законодатель понимает именно объективную сторону риска (форс-мажорные обстоятельства). Куда включать ситуацию, приводящую к осуществлению угроз и наступлению риска в результате неправомерных действий (бездействий) публичных субъектов права, наделенных властвующими полномочиями – из данного определения понять невозможно. Но понятие и термины, указанные в ГК РФ применяются в рамках гражданского права и с целью обеспечения функционирования гражданских правоотношений. Если так, тогда такое определение предпринимательского риска не вызывает вопросов. Но и не объясняет сути исследуемого понятия и его содержания в полном смысле. Поэтому сфера возникновения, распространения риска в предпринимательской деятельности существует не только в частных отраслях права, коим в первую очередь с позиций его исследования является гражданское право, но и в публичных – финансовое, налоговое, административное, градостроительное и др.

Предпринимательский риск – это явление в хозяйственной жизни, которое невозможно нивелировать в полном смысле. Являясь одним из признаков предпринимательской деятельности, – он объективно ей присущ и всегда ее сопровождает. Поэтому наука гражданского права выработала следующие функции предпринимательского риска, как его проявления во внешних отношениях:

1. Аналитическая функция связана с анализом всех факторов и условий осуществления успешной предпринимательской деятельности. Она выражается в форме выбора одной из альтернатив (желательно, в положительную сторону) разрешения опасных ситуаций, возникающих в деятельности субъекта предпринимательской деятельности посредством применения методов наблюдения и эмпирического опыта. Лицо, определяющее модель своего хозяйственного поведения пользуется не только своими знаниями и опытом (который может быть и небольшим), но и изучает подобные ситуации, которые имели место в деятельности других субъектов в аналогичной коммерче-

ской сфере. Исходя из результатов их выбора – субъекту предоставляются возможности самостоятельно определить алгоритм своих последующих действий.

2. Защитная функция риска возникла в связи с тем, что все негативные последствия от занятия предпринимательской деятельностью несет сам субъект такой деятельности. Она выражается в том, что предприниматель должен вступать в правоотношения с добросовестными участниками гражданского оборота и иных видов отношений; должен разрабатывать экономически обоснованный план своей хозяйственной деятельности (бизнес – проект) во избежание банкротства; проверять информацию о контрагентах в статусе налогоплательщиков, чтобы впоследствии не нести за них бремя налоговой задолженности; выполнять финансовые расходные обязательства в публичных правоотношениях.

3. Инновационная функция риска выражается в том, что вероятность его возникновения, а значит и следующих за ним отрицательных последствий, побуждает субъекта предпринимательской деятельности искать новые инновационные варианты решений, внедрять в свою деятельность новые технологии, чтобы минимизировать издержки и увеличить прибыль. Благодаря данной функции осуществляется развитие технологического процесса и потребительского рынка. В свою очередь, сама инновационная деятельность также может выступать источником для возникновения определенного риска или угрозы. Ведь новая примененная технология или новаторская продукция может не пользоваться спросом и не быть реализованной на рынке, что приведет к финансовым потерям, а в зависимости от вложений предпринимателя, и к угрозе банкротства. Поэтому данная функция представляется дуалистической: она и порождает риск и его нейтрализует (если, конечно, новаторское решение, реализованное предпринимателем, оказалось удачным).

Подводя итог всему вышесказанному, следует сделать следующие выводы:

1) содержание предпринимательского риска включает в себя субъективно-объективные компоненты, а какая из них берет верх – зависит от конкретного индивидуального случая, в котором оказался субъект предпринимательской деятельности. Но если субъективная составляющая находится под контролем лица, и степень этого контроля зависит от степени его компетентности и осторожности, то объективная – возникает по независящим от его действий причинам. При этом субъективная причина может уменьшить степень риска, возникающего по объективным жизненным обстоятельствам;

2) сущность предпринимательского риска выражается в том, что он практически всегда носит имущественный характер, и в меньшей степени, неимущественный (хотя последний также может приводить к имущественным потерям, как в случаях с распространением недостоверных сведений о деловой репутации субъекта предпринимательской деятельности);

3) сфера возникновения, распространения риска в предпринимательской деятельности существует не только в частных отраслях права, коим в первую очередь с позиций его исследования, является гражданское право, но и в публичных – финансовое, налоговое, административное, градостроительное и др.;

4) предпринимательский риск – это явление в хозяйственной жизни, которое невозможно нивелировать в полном смысле, так как, являясь одним из признаков предпринимательской деятельности, – он объективно ей присущ и всегда ее сопровождает.

Поэтому наука гражданского права выработала следующие функции предпринимательского риска, позволяющие глубже уяснить его содержание и влиять на него: аналитическая, защитная и инновационная.

Список источников

1. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 2000 (по изданию на 1902 г.). 685 с.
2. Гражданское уложение Российской империи. СПб: Сенат. 1809. 325 с.
3. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1894-1898. Ч.1: Общее государственное право, 1894. 118 с.
4. Муромцев С. А. Из лекций по русскому гражданскому праву. СПб., 1899. 238 с.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. М.: Консультант плюс: Статут, 2003. 465 с.
6. Ойгензихт В. А. Воля и риск // Правоведение. 1984. № 4. С. 40-46.
7. Мамчун В. В. Правоприменительный риск: проблемы теории: монография. Владимир: Владимир. юрид. ин-т Минюста России, 2001. 192 с.
8. Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах юридической ответственности // Правоведение. 1968. № 1. С. 52-64.
9. Пастухий О. А. Категория риска в советском гражданском праве // Гражданское право и способы его защиты. Свердловск, 1974. С. 56-68.
10. Волкова И. А. Страхование предпринимательского риска в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 189 с.

References

1. Meyer D. I. Russian civil law: at 2 a.m.: Statute, 2000 (as published in 1902). 685 p.
2. The civil Code of the Russian Empire. St. Petersburg: Senate. 1809. 325 pp .
3. Chicherin B. N. Course of state science. M., 1894-1898. Part 1: General state law, 1894- 118 p.
4. Muromtsev S. A. From lectures on Russian civil law. St. Petersburg., 1899. 238 p
5. Pobedonostsev K. P. Course of civil law. M.: Consultant plus: Statute, 2003. 465 p
6. Eugenzicht V. A. Volya i riska //Law studies. 1984. No. 4. pp. 40-46.
7. Mamchun V. V. Law enforcement risk: problems of theory. Monograph. Vladimir: Vladimir. Jurid. in-t of the Ministry of Justice of Russia, 2001. 192 p.
8. Sobchak A. A. On some controversial issues of legal responsibility // Law studies. 1968. No. 1. pp. 52-64.
9. Pastukhy O. A. The category of risk in Soviet civil law // Civil law and methods of its protection. Sverdlovsk, 1974. pp. 56-68.
10. Volkova I. A. Insurance of entrepreneurial risk in the civil law of Russia: dis. ... cand. Jurid. sciences'. Volgograd, 2004. 189 p.

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЙ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ МЕРА В
МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

М.А. Перепелица, В.А. Каюков

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Резюме. На основе исследования понятия «криминализация» авторами проведён анализ вопроса о необходимости её применения при обеспечении экономической безопасности Российской Федерации. Цель исследования – изучить содержание и особенности криминализации, а также основания её применения к деяниям, общественно опасные последствия которых увеличивают риски и угрозы в экономической сфере, являясь по своей сути преступлениями. Авторами обосновывается вывод о том, что государство должно противопоставить угрозам, существующим в сфере экономической безопасности, эффективные и действенные механизмы, адекватные степени опасности и рисков, которые такие угрозы порождают, то есть криминализировать преступные деяния. Именно данный подход в реальности сможет защитить жизненно важные интересы человека и гражданина и существенно снизить общественно опасные последствия в экономической сфере. Дана краткая характеристика признакам криминализации: реальная угроза для экономической безопасности государства, определяемая количественным критерием (на примере конкретных преступлений), своевременность применения, распространённость действия по кругу лиц. Авторы приходят к выводу, что криминализация преступлений в сфере обеспечения экономической безопасности государства является одной из важных и необходимых уголовно-правовых мер. Для того чтобы преодолеть угрозы, существующие в данной сфере, государство должно противопоставить эффективные и действенные механизмы, адекватные степени опасности и рисков, которые такие угрозы порождают, то есть применить инструмент криминализации. Именно данный подход в реальности сможет защитить жизненно важные интересы человека и гражданина и существенно снизить общественно опасные последствия в экономической сфере.

Ключевые слова: криминализация деяний, уголовно-правовые меры, экономическая безопасность государства, угрозы, риски, общественно опасные последствия

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-75-82

CRIMINALIZATION OF ACTS AS A CRIMINAL LAW MEASURE IN THE MECHANISM OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maria A. Perepelitsa, Vyacheslav A. Kaukov

Bunin Yelets State University

(Yelets, Russia)

Abstract. Based on the study of the concept of "criminalization", the author analyzes the question of the need for its application in ensuring the economic security of the Russian Federation. The purpose of the study is to study the content and features of criminalization, as well as the grounds for its application to acts whose socially dangerous consequences increase risks and threats in the economic sphere, being essentially crimes. The author substantiates the conclusion that the state should oppose the threats existing in the field of economic security – effective and efficient mechanisms adequate to the degree of danger and risks that such threats generate, that is, criminalize criminal acts. It is this approach that in reality will be able to protect the vital interests of a person and a citizen and significantly reduce the socially dangerous consequences in the economic sphere. A brief description of the signs of criminalization is given: a real threat to the economic security of the state, determined by a quantitative criterion (using the example of specific crimes), the timeliness of application, the prevalence of the action among persons. The authors conclude that criminalization of crimes in the field of ensuring the economic security of the state is one of the important and necessary criminal law measures. In order to overcome the threats existing in this area, the State must counteract effective and effective mechanisms that are adequate to the degree of danger and risks that such threats generate, that is, apply a criminalization tool. It is this approach that in reality will be able to protect the vital interests of a person and a citizen and significantly reduce socially dangerous consequences in the economic sphere.

Keywords: criminalization of acts, criminal law measures, economic security of the state, threats, risks, socially dangerous consequences

В настоящее время одной из важных задач развития Российской Федерации является реализация государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности. В правовой науке экономическая безопасность небезосновательно признаётся частью национальной безопасности государства, так как преступления, совершаемые в экономической сфере, пронизывают многие отрасли и сектора хозяйствования, жизнеобеспечение которых привязано к финансам и приводят к подрыву основ существования всего государства [1, с. 182], [5, с. 332], [8, с. 4-6]. Здесь следует согласиться с выводом, сделанным В. Э. Васильевым и Т. В. Прокофьевой о том, что: «Многие сферы экономических отношений продолжает «поражать» организованная преступность, которая проникла в топливно-энергетический и строительный комплексы, жилищно-коммунальное хозяйство, сферу оборота драгоценных камней, цветных и чёрных металлов, лесопромышленный комплекс, добычу водных биоресурсов и др.» [2, с. 48].

Преступления в этих и других секторах экономики напрямую порождают угрозы, подрывающие экономическую безопасность государства, это: несбалансированность национальной бюджетной системы, высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере, сохранение значительной доли теневой экономики, нецелевое использование и хищение государственных средств, отмывание доходов, полученных преступным путём, отток капитала за рубеж, уклонение от уплаты налогов, сборов и других обязательных платежей. В результате данных угроз способность государства выполнять свои внутренние и внешние функции, закреплённые в Конституции Российской Федерации, а также защищать жизненно важные интересы человека и гражданина существенно снижается.

Бороться и противодействовать данным негативным явлениям можно только в процессе осуществления комплекса политических, социально-экономических, правовых, информационных, дипломатических и иных мер, разработанных и применяемых соответствующими органами государственной власти. Наиболее эффективными являются правовые меры, так как их выполнение обеспечивается принудительной силой государства. В системе правовых мер основную роль играют уголовно-правовые меры, одной из которых является криминализация деяний. Многие из противоправных деяний, совершаемых в сфере экономической безопасности государства и ранее не включаемых в Уголовный кодекс, со временем были криминализованы, в силу общественно опасного характера их последствий и тенденциями к росту. Вопрос криминализации в данном аспекте не утратил своей актуальности и на данный момент. Именно криминализация правонарушений, совершаемых в экономической области, является действенной уголовно-правовой мерой, которая может минимизировать их количество и выполнить превентивную функцию в сфере осуществления угроз экономической безопасности государства. Актуальность данной проблемы обусловлена ещё и тем фактором, что в условиях международного и трансграничного характера экономических связей, движения капиталов, людей, ресурсов и финансовых цифровых технологий, возможности преступности в экономической сфере многократно возросли. В ответ государство также должно усиливать меры уголовно-правового воздействия, чтобы противодействовать вызовам и угрозам в этой важной сфере национальной безопасности государства.

31 декабря 2015 года Указом Президента Российской Федерации была принята Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030¹. В данном документе объединены вызовы и угрозы, риски, цели, основные направления и задачи экономической безопасности. Концептуальными понятиями данного документа являются «экономическая безопасность», «экономический суверенитет Российской Федерации», «национальные интересы Российской Федерации в экономической сфере», «обеспечение экономической безопасности»². Все эти понятия, по сути, выступают объектами уголовно-правовой защиты со стороны государства и общества. Под эконо-

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 208. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal> (дата обращения : 25.10.2023)

² Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 208. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal> (дата обращения : 25.10.2023).

мической безопасностью понимается состояние защищённости национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. А обеспечение экономической безопасности представляет собой реализацию органами государственной власти, органами местного самоуправления и Центральным Банком Российской Федерации во взаимодействии с институтами гражданского общества комплекса политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие вызовам и угрозам экономической безопасности и защиту национальных интересов Российской Федерации в экономической сфере¹. Эти определения, закреплённые в правовом акте, полностью соответствуют содержанию экономической безопасности, предложенной в правовой науке, под которой понимают: «...такое состояние экономики, которое характеризуется её устойчивым иммунитетом к воздействию внешних и внутренних факторов, нарушающих нормальное функционирование процесса общественного воспроизводства, подрывающих достигнутый уровень населения и тем самым вызывающих повышенную социальную напряженность в обществе, а также угрозу самому существованию государства» [10, с. 8-9]. Профессор С. М. Глазьев определяет экономическую безопасность как «состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции» [4, с. 10]. Мы присоединяемся к данным определениям, предложенным учёными и закреплённым в Стратегии, и в продолжение их выводов хотим сказать, что обеспечение экономической безопасности в долгосрочной перспективе, основываясь на стабильном и устойчивом развитии всех производительных сил общества, возможно только при использовании всех мер уголовно-правового воздействия и криминализации деяний.

Криминализация используется в уголовно-правовой науке для обозначения процесса признания преступлениями определённых деяний и установления за них уголовных наказаний [3, с. 255], [7, с. 105], [9, с. 110]. А. И. Коробеев под криминализацией понимает «процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых» [6, с. 57]. Основанием криминализации выступает величина общественной опасности деяния в качестве критерия отделения преступлений от иных правонарушений, а её целью, создание совокупности уголовно-правовых запретов, обусловленных тем фактом, что бороться с такими деяниями иными мерами правового характера невозможно и непродуктивно. По нашему мнению, криминализация деяний необходима в тех случаях, когда они представляют собой реальную угрозу для экономической безопасности государства и общества.

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 208. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal> (дата обращения : 25.10.2023).

Особенность экономической сферы как раз и заключается в том, что в ней есть возможность при определении степени угрозы исходить из конкретного показателя. Для преступлений в сфере экономической безопасности – это, как правило, количественный критерий. Так, например, для признания преступлением уклонение от уплаты налогов необходимо, чтобы сам факт неуплаты был зафиксирован в размере 2 миллиона 700 тысяч рублей за период в пределах трёх финансовых лет подряд для физических лиц и 45 миллионов рублей для юридических лиц. Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте Российской Федерации будет тогда признаваться уголовно-наказуемым деянием, когда такая сумма превысит 150 миллионов рублей. А выявление факта нецелевого расходования бюджетных средств на сумму более 1, 5 миллионов рублей влечёт уголовную ответственность по статье 285.1 Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Если такие суммы денежных средств будут систематически не поступать в бюджетную или финансовую систему государства или расходоваться по нецелевому назначению и большим количеством лиц (физических, юридических) – это приведёт к дефициту денег в экономике страны, обрушит многие сектора и отрасли хозяйства, а также нанесёт огромный ущерб бюджетной сфере государства. В результате под угрозой окажется национальная безопасность всей страны. Таким образом, криминализация деяний в вышеуказанных областях является единственной необходимой мерой в механизме обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Данную позицию будет правильным подтвердить Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2001 года № 6-п по делу о проверке конституционности ст. 265 Уголовного кодекса РФ (далее, Постановление № 6)². В Постановлении № 6, Конституционный Суд указал на право государства устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространённости причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены другими правовыми средствами. Следовательно, криминализацию правильно и необходимо применять в тех случаях, когда регулирование общественных отношений правовыми нормами другой отрасли права (административной, гражданской) будет считаться недостаточным и безрезультатным.

Анализ развития уголовного законодательства, начиная с 1996 года, позволяет сделать вывод, что уголовно-правовая мера криминализации достаточно активно применялась законодателем, что свидетельствует о высокой степени важности криминализируемых общественных отношений для всего общества. Раздел VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ был дополнен 40 новыми статьями, предусматривающими уголовную ответственность и признающими деяния, включённые в закон, преступлениями. В УК РФ были включены следующие составы: воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169), регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170), фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. г. № 63 – ФЗ (ред. от 04.08. 2023) с изм. и доп. От 12.10.2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации № 42 от 16.10. 2023 г.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 г. № 6- П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова» URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal> (дата обращения : 25.10.2023).

учёта (ст. 170.1), внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту – план территории, незаконное предпринимательство (ст. 171), производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (171.1), незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2), незаконные производства и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (171.3), незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5), незаконная банковская деятельность (ст. 172), фальсификация финансовых документов учёта и отчётности финансовой организации (ст. ст. 172.1), организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём (ст. 174), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1), злоупотребления при эмиссии ценных бумаг (ст. 185)¹ и др. Все эти преступления объединяет их имущественное (денежное) содержание, и именно этим обуславливается тот факт, что угрозы, наносимые ими, отражаются в сфере экономической безопасности государства.

Рассматривая вопрос криминализации деяний как уголовно-правовую меру в механизме обеспечения экономической безопасности государства, следует обратить внимание и на такой важный момент, как своевременность её применения. Это значит, что криминализация должна проводиться именно тогда, когда появилось её основание – само преступление и общественно опасные последствия от него, порождающие за короткий срок все те угрозы экономической безопасности, о которых идёт речь в Стратегии. Если же слишком долго отводить время на дискуссии и обсуждения таких вопросов на общественных и публичных площадках, то важным объектам, которые необходимо было срочно брать под защиту уголовно-правовыми мерами, может быть нанесён серьёзный ущерб. Например, законодатель не сразу криминализировал такое преступление, как легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путём. Тогда как размах данного деяния приобрёл не только внутригосударственный характер, а и вышел на международный уровень, вливаясь в транснациональную преступность в данной сфере. Такое «опоздание» привело к тому, что огромные суммы денежных средств были легализованы и выведены за пределы Российской Федерации за определённый и достаточно короткий период времени, что привело к существенному дефициту бюджетов. Другими словами, возникла угроза бюджетной безопасности страны. В такой ситуации, по нашему мнению, не будет правильным обсуждать вопросы криминализации деяний в сфере экономики с представителями общественности, исходя из принципа гуманизации, а напротив, реагировать быстро и императивно.

Другим существенным недостатком при решении вопроса о целесообразности признания деяния преступлением являются частые внесения изменений в уголовное законодательство то криминализирующие, то декриминализирующие деяния. Это не спо-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. г. № 63 – ФЗ (ред. от 04.08.2023) с изм. и доп. От 12.10.2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации № 42 от 16.10.2023 г.

способствует упорядочиванию и стабильности регулируемых общественных отношений в сфере экономической безопасности и не способствует их защите от угроз и рисков.

Таким образом, изучив данную проблему, следует сказать, что криминализация преступлений в сфере обеспечения экономической безопасности государства является одной из важных и необходимых уголовно-правовых мер. Для того, чтобы преодолеть угрозы, существующие в данной сфере, государство должно противопоставить эффективные и действенные механизмы, адекватные степени опасности и рисков, которые такие угрозы порождают, то есть применить инструмент криминализации. Именно данный подход в реальности сможет защитить жизненно важные интересы человека и гражданина и существенно снизить общественно опасные последствия в экономической сфере.

Список источников

1. Аكوпова Е. С., Таранов П. В. Механизмы обеспечения экономической безопасности российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. - № 2 – С. 180-185.
2. Васильев Э. А., Прокофьева Т. В. Современная экономическая преступность: состояние и структура. – 2022. - 184 с.
3. Воробьева С. В. Экономическая безопасность Российской Федерации в свете криминализации экономических отношений // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. - № 2. – С. 249-262.
4. Глазьев С. М. Экономическая безопасность как синоним конкурентоспособности Евразийского союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2018. - № 4. – С. 10-12.
5. Зуфарова С. Э. Понятие и сущность экономической безопасности организаций // Экономика и социум. - 2023.- № 3 (106). – С. 331-335.
6. Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон и право. - 2015 – № 8. – С. 46-59.
7. Кузнецова Е. И., Филатова И. В. Экономическая преступность и её влияние на экономическую безопасность // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 3. – С. 93-110.
8. Мухамбетов А. Б. Теоретические аспекты понятия «экономическая безопасность» // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – № 12. – С. 3-9.
9. Нудель С. Л. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения экономической безопасности (проблемы и тенденции законодательной регламентации) // Журнал российского права. – 2020. - № 6.- С. 106 - 119.
10. Паньков В. М. Экономическая безопасность: мирохозяйственный и внутренний аспект // Внешнеэкономические связи – 1992. - № 8. – С. 5-18.

References

1. Akopova E. S., Taranov P. V. Mechanisms of ensuring economic security of the Russian society // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2017. - No. 2 – pp. 180-185.
 2. Vasiliev E. A., Prokofiev T. V. Modern economic crime: state and structure. – 2022. - 184 p.
-

-
3. Vorobyeva S. V. Economic security of the Russian Federation in the light of criminalization of economic relations // Actual problems of the state and law. – 2023. - No. 2. – pp. 249-262.
 4. Glazyev S. M. Economic security as a synonym for the competitiveness of the Eurasian Union // Eurasian integration: economics, law, politics. - 2018. - No. 4. – pp. 10-12.
 5. Zufarova S. E. The concept and essence of economic security of organizations // Economy and society. - 2023.- № 3 (106). – Pp. 331-335.
 6. Korobeev A. I. Criminal law policy of modern Russia: problems of penalization and depenalization // Law and law. - 2015 – No. 8. – pp. 46-59.
 7. Kuznetsova E. I., Filatova I. V. Economic crime and its impact on economic security // Bulletin of Economic Security. - 2017. – No. 3. – pp. 93-110.
 8. Mukhambetov A. B. Theoretical aspects of the concept of "economic security" // Economics and management: problems, solutions. - 2017. – No. 12. – pp. 3-9.
 9. Nudel S. L. Criminal legal impact in the mechanism of ensuring economic security (problems and trends of legislative regulation) // Journal of Russian Law. – 2020. - No. 6.- pp. 106 - 119.
 10. Pankov V. M. Economic security: world economic and internal aspect // Foreign Economic Relations – 1992. – No. 8. – pp. 5-18.

ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

П.В. Пряжников, Д.В. Алонцева

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Резюме. Статья посвящена рассмотрению гарантий прав личности в системе обеспечения национальной безопасности в условиях цифровизации. Цель исследования – определить проблемы реализации прав личности в условиях построения цифровой среды. Авторами отмечено, что цифровые технологии сегодня играют ключевую роль в трансформации современного общества и формировании новых парадигм государственного управления, их внедрение в хозяйственную сферу и общественные отношения становятся мощным катализатором изменений, затрагивающих, в том числе сферу национальной безопасности. Внедрение цифровых технологий стимулирует процессы инновационного развития и модернизации общества, требуя адаптации его институтов и организационных структур к новым вызовам и возможностям, которые эти технологии предоставляют. Авторы поднимают проблему обеспечения прав личности, которые могут быть нарушены в результате обретения государством новых инструментов контроля над гражданами с целью предотвращения угроз национальной безопасности. Одним из таких инструментов является система видеонаблюдения в общественных местах, распространение и внедрение технологии распознавания лиц. Авторы приходят к выводу, что необходимо разработать более строгие и эффективные правовые механизмы для регулирования использования технологий распознавания лиц с целью обеспечения правопорядка. Это включает в себя установление четких правил сбора, хранения и использования биометрических данных, защиту личной жизни и принципов справедливого судебного процесса, а также контроль за деятельностью правоохранительных органов и предотвращение злоупотреблений.

Ключевые слова: права личности, национальная безопасность, система видеонаблюдения в общественных местах, технологии распознавания лиц

DOI 10.24888/2949-3293-2024-2-5-83-96

GUARANTEES OF INDIVIDUAL RIGHTS IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Pavel V. Pryazhnikov, Dina V. Alontseva

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Abstract. The article is devoted to the consideration of guarantees of individual rights in the system of ensuring national security in the context of digitalization. The purpose of the study is to identify the problems of realizing individual rights in the context of building a digi-

tal environment. The authors noted that digital technologies today play a key role in the transformation of modern society and the formation of new paradigms of public administration, their introduction into the economic sphere and public relations becomes a powerful catalyst for changes affecting, among other things, the sphere of national security. The introduction of digital technologies stimulates the processes of innovative development and modernization of society, requiring the adaptation of its institutions and organizational structures to new challenges and opportunities that these technologies provide. The authors raise the problem of ensuring the rights of the individual, which may be violated as a result of the acquisition by the state of new instruments of control over citizens in order to prevent threats to national security. One of these tools is a video surveillance system in public spaces, the dissemination and implementation of facial recognition technology. The authors conclude that it is necessary to develop stricter and more effective legal mechanisms to regulate the use of facial recognition technologies in order to ensure law and order. This includes establishing clear rules for the collection, storage and use of biometric data, protecting privacy and the principles of a fair trial, as well as monitoring the activities of law enforcement agencies and preventing abuse.

Keywords: personal rights, national security, video surveillance system in public places, facial recognition technologies

Цифровые технологии сегодня играют ключевую роль в трансформации современного общества и формировании новых парадигм государственного управления. Их внедрение в хозяйственную сферу и общественные отношения становится мощным катализатором изменений, затрагивающих, в том числе сферу национальной безопасности. Внедрение цифровых технологий стимулирует процессы инновационного развития и модернизации общества, требуя адаптации его институтов и организационных структур к новым вызовам и возможностям, которые эти технологии предоставляют. В рамках данного вопроса вызывает опасения проблема обеспечения прав личности, которые могут быть нарушены в результате обретения государством новых инструментов контроля над гражданами с целью предотвращения угроз национальной безопасности. Предметом широких дискуссий в научном сообществе долгое время остается вопрос видеонаблюдения в общественных местах, особенно в связи с распространением и внедрением технологии распознавания лиц. На сегодняшний день существует ряд пробелов в правовом регулировании технологий видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, которые не могли не сказаться на правоприменительной практике.

Современные технологии распознавания лиц широко используются в биометрических системах для автоматического определения личности на основе уникальных физических, биологических или поведенческих особенностей. Наблюдается диспропорция в темпах развития разного рода цифровых технологий с возможностями правовой системы российского государства адаптироваться меняющимся условиям. На уровне правоприменительной практики возникает множество противоречий в определении того, что входит, по мнению ряда правоведов, в категорию биометрических персональных данных. Из этого следует невозможность выполнения всеми участниками реализации правовых установок своих должностных функций, исключая нарушение законных прав и интересов граждан.

Существующие нормы, регулирующие вопрос применения технологии распознавания лиц, недостаточно конкретны, что создает препятствия для четкого их толкова-

ния и напрямую ведет к хаотичному, противозаконному использованию этих данных. Важно также учитывать, что технологии распознавания лиц могут быть применены для массового контроля за гражданами. Еще одной проблемой является недостаточная прозрачность в использовании и обработке данных, полученных с помощью систем распознавания лиц. Отсутствие четких правил хранения и доступа к этим данным может привести к их злоупотреблению и нарушению конфиденциальности граждан.

В настоящее время наблюдается тенденция к повсеместному внедрению систем распознавания лиц в разнообразных сферах общественной жизни. Очевидно, что данная тема становится предметом многочисленных дискуссий как в рамках научного сообщества, так и за его пределами, на социально-бытовом уровне. В данном контексте наблюдаются противоположные точки зрения. Сторонники подобных технологических новаций, в обоснование преимуществ технологий распознавания лиц, в первую очередь приводят аргументы о потенциальном сокращении числа преступных деяний [9, с. 121]. Однако сторонники иного подхода высказывают опасения относительно данной технологии, расценивая её как непосредственную угрозу гражданским правам.

Система распознавания лиц представляет собой технологию, позволяющую проводить сопоставление визуальных данных субъекта с цифровым изображением или видеоизображением, занесенным в специализированную базу. Данная технология, как правило, применяется в целях аутентификации, в точности измеряя черты лица по заданным параметрам. Предоставление доступа к системе распознавания лиц практически неизбежно влечет за собой возможные случаи злоупотреблений со стороны лиц, обладающих возможностью доступа к конфиденциальной информации.

На данный момент система стремительно совершенствуется и используется во многих странах. Применение систем видеонаблюдения в публичных местах не запрещено российским законодательством. Если это осуществляется в интересах государства или общества, на общественных мероприятиях или в общественных местах, то согласие гражданина на сбор, хранение, передачу и использование информации о его личной жизни не требуется. К таким местам относятся:

- транспортная инфраструктура (включая сеть дорог, железных дорог, водных путей, аэропортов, портов и других объектов, обеспечивающих передвижение людей, товаров и информации);
- места массового пребывания людей (торговые центры, стадионы, концертные площадки, парки, площади, а также общественные здания);
- объекты топливно-энергетического комплекса (газопроводы, электростанции, атомные станции);
- гостиницы и иные объекты размещения людей;
- объекты в сфере культуры и другие территории.

Распространение данных технологий вызывает серьезные этические вопросы, особенно касающиеся защиты приватности граждан. Нарушение прав на приватность представляет риск, который включает возможность неправомерного раскрытия конфиденциальной информации. С развитием технологий частота атак со стороны хакеров увеличивается, что может привести к утечке личных данных, а также информации о местонахождении, социальных связях и привычках людей. Такие сведения могут стать объектом использования мошенниками, спецслужбами других стран или коммерческими организациями.

Дальнейшее развитие систем видеонаблюдения с распознаением лиц должно проводиться в строгих рамках государственного регулирования. При этом видеоизображения должны анализироваться с использованием базы данных, на доступ к которой имеют право только государство и граждане, выразившие согласие. Уведомление населения о работе системы распознаения лиц является обязательным для обеспечения законности [3].

Таким образом, в настоящее время остро стоит проблема идентификации в цифровом пространстве с учетом обеспечения безопасности личных данных пользователей. С учетом стремительного развития данной технологии в короткий временной период, ученые высказывают опасения относительно сохранения эффективности правового регулирования. В особенности отмечается тот факт, что исследуемые системы используются, санкционируются и регламентируются органами государственной власти. Необходимо изучить правовые аспекты применения технологии правоохранительными органами государства, исследовать границы допустимого вмешательства должностных лиц в личную жизнь граждан [7, с. 80].

Правоохранительные органы применяют технологию распознаения лиц непосредственно для реализации служебных предписаний, к ним может относиться, например, разыскивание преступников. На сегодняшний день многие города России оборудованы системами видеонаблюдения с опцией распознавания лиц. Это такие системы, как «Интегра-Видео-РЛ», «VisionLabs», аппаратно-программный комплекс «Безопасный город» (далее – АПК «Безопасный город») и др.

Основная цель комплекса заключается в сборе информации и анализе информации из различных подсистем, а также в координации их взаимодействия для достижения состояния защиты от угроз. При использовании баз данных правоохранительных органов системы видеонаблюдения автоматически выбирают записи с различных камер для идентификации подозреваемого лица. Городские системы видеонаблюдения обладают значительным потенциалом, обеспечивая оперативное получение информации для расследований и следственных мероприятий. Благодаря высокому качеству изображений и функциям распознавания лиц эти системы эффективно применяются в большинстве случаев.

Эти системы способны легко идентифицировать правонарушителя, что позволяет сотрудникам правоохранительных структур в короткие сроки определить местоположение искомого субъекта, произвести задержание. Также фото и видео, сделанные данными системами, могут быть использованы как средство документирования совершенного деяния. Большое значение состоит и в осуществлении превентивной функции. Упоминание о работе систем видеонаблюдения, особенно с функцией распознавания лиц, оказывает психологическое воздействие на граждан, стимулируя их к более сдержанному и законопослушному поведению из-за ожидания возможной идентификации личности. По мнению сотрудников МВД России, внедрение таких систем в городскую инфраструктуру способствует снижению уровня правонарушений. Видеомониторинг, особенно в криминогенных зонах, не только обеспечивает оперативное раскрытие преступлений, но и предотвращает их совершение в реальном времени [7, с. 84].

Ховакко С. М. отмечает, что в последние годы быстрое развитие технологий искусственного интеллекта и биометрической идентификации привело к возникновению

новых перспективных методов и технических средств для идентификации личности на основе биометрических данных. [10].

Определение биометрических данных в соответствии со статьей 11 Федерального закона «О персональных данных» включает в себя информацию, относящуюся к физиологическим особенностям человека, таким как рост, вес, цвет волос, группа крови, а также данные об отпечатках пальцев и другие сведения, которые могут быть использованы для идентификации личности [2]. Биометрические данные могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных.

Таким образом, в работе правоохранительных органов значительное внимание уделяется техническим средствам, позволяющим осуществить распознавание лица. Предполагается, что данная технология находится на этапе постепенного внедрения в работу органов правоохраны и будет использоваться еще более интенсивно с развитием правовых основ, материально-технического обеспечения данного процесса. Данная технология успешно применяется в расследовании преступлений, их пресечении, предотвращении массовых беспорядков и в иных целях. В настоящее время наблюдается активное законодательное стремление к расширению области применения биометрической регистрации. Это включает предложения о возможности получения различных государственных услуг после прохождения процедуры биометрической регистрации, включая услуги, предоставляемые в многофункциональных центрах «Госуслуги».

Современное общество стоит перед историческим вызовом, связанным с масштабным переходом к новой технологической парадигме. Этот переход предполагает не только изменения в технических аспектах, но также значительную перестройку общественных институтов. Этот процесс затрагивает организацию общества, системы управления и ценностные ориентации. Взаимодействие между людьми прямо зависит от технологий, которые используются для этого, и поэтому важно глубоко понимать роль техники в социальных процессах. Научно-технический прогресс создает ряд этических и ценностных проблем, которые требуют оперативного правового реагирования или, по крайней мере, опережающего его.

На сегодняшний день в Российской Федерации ключевым законом, закрепляющим правовые основы регулирования распознавания лиц, является Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. N 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [8].

Важно упомянуть также роль Конституции Российской Федерации в данном вопросе. Основной закон напрямую не закрепляет применение системы распознавания лиц, однако отдельные статьи, такие как часть 1 статьи 23, защищают право каждого гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а статья 24 запрещает обработку информации о частной жизни лица без его согласия, за исключением следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [1].

Однако необходимо признать, что указанные документы не регулируют в полной мере все аспекты, связанные с использованием городских систем видеонаблюдения в целом и систем видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, в частности.

Правительство Российской Федерации утверждает форму согласия на размещение и обработку персональных данных в единой системе идентификации и аутентификации, а также биометрических персональных данных в единой биометрической системе. Физическое лицо имеет право подписать данное согласие усиленной неквалифицированной электронной подписью. Отсутствие должного законодательного регулирования данной сферы вызывает опасения в сообществах ученых, экспертов и практиков не только в РФ, но и во всем мире. На данный момент острыми является ряд вопросов: об ответственности граждан и государств за пресечение границ невмешательства в частную жизнь иных лиц, об определении сущности понятий «персональные данные», «идентификация», «биометрические данные» и т.д.

Вопрос о введении специального регулирования для новых категорий персональных данных, например, биометрической информации, вызывает различные точки зрения в научной литературе. В отечественных исследованиях отсутствует единство мнений относительно необходимости и целесообразности выделения биометрических данных в отдельную категорию персональных данных.

По мнению Е. Покаместовой, введение специальных норм, регулирующих обработку биометрических персональных данных в российском законодательстве, не является обоснованным, так как более целесообразным представляется включение их в одну из уже существующих категорий персональных данных [54, с. 32]. С развитием информационных технологий и увеличением объема обрабатываемых персональных данных возникает дискуссия о применении объективного и субъективного подходов к обработке таких данных. Под объективным подходом понимается признание информации персональными данными независимо от возможности оператора провести идентификацию субъекта. По субъективному подходу, оператор должен обладать разумными средствами для определения личности субъекта на основе дополнительной информации, имеющейся у него или полученной от других лиц.

В России на данный момент активно осуществляется внедрение системы распознавания лиц в рамках реализации проекта «Безопасный город». Этот проект предусматривает использование комплекса программно-аппаратных средств и организационных мер для обеспечения видеонаблюдения и технической безопасности. Преимущественно такие системы развертываются в общественных местах, таких как аэропорты и станции метро, с целью обеспечения безопасности в транспортных узлах [10]. «Безопасный город» начал свою деятельность как система видеонаблюдения, но со временем был расширен различными функциональными модулями. Эта автоматизированная система разработана для обеспечения потребностей города в области безопасности и основана на комплексе программно-аппаратных средств и организационных мер для обеспечения видеонаблюдения и технической безопасности.

Основные цели комплекса заключаются в сборе и анализе информации, поступающей из различных подсистем, а также в координации их взаимодействия для обеспечения безопасности города. Информация с каждого объекта передается в центральный узел для хранения данных, где осуществляется их обработка и передача. Этот узел выполняет функции оцифровки видеоматериалов, преобразования аналогового сигнала, а также кратковременного хранения данных перед их передачей в оперативно-технический центр. В оперативно-техническом центре информация хранится на протяжении длительного времени. Полученные данные представляют собой краткие обзоры

событий, передающие основную суть происходящего и запоминая важные детали, включая изображения всех участников.

Такие «короткие» данные обладают преимуществом в мгновенном отображении на экране и немедленной передаче по назначению. При необходимости выявить нарушителя закона лицо на записях анализируется с использованием базы данных правоохранительных органов. Система автоматически подбирает соответствующие видеозаписи с различных камер наблюдения, идентифицируя подозреваемого на видео.

Таким образом, городские системы видеонаблюдения обладают значительным потенциалом. Их высокая скорость реагирования позволяет быстро получать информацию и использовать её при необходимости в оперативно-розыскных мероприятиях и следственных действиях. Благодаря высококачественным изображениям и функции распознавания лиц системы видеонаблюдения проявляют свою эффективность в 85-90 % случаев.

На данный момент в Российской Федерации отсутствуют специальные нормативные акты, законодательно регулирующие вопрос использования технологий распознавания лиц.

Имеется информация, подтверждающая эффективность системы распознавания лиц со стороны Министерства внутренних дел Российской Федерации. Представители Главного управления МВД по городу Москве утверждают, что данная технология позволяет успешно выявлять и разыскивать преступников [6]. Рассмотрим анализ материалов судебной практики по данному вопросу.

Савеловский суд обнародовал мотивированную часть решения по делу № 02а-0577/2019, связанному с иском гражданки Москвы Алены Поповой. Она выдвигала требование о признании незаконного использования технологии распознавания лиц в системе видеонаблюдения [4]. Алена Попова утверждала, что обработка биометрических данных с видеокamer наблюдения без получения письменного согласия человека противоречит законодательству о персональных данных. Она требовала удалить свои биометрические персональные данные из базы данных изображений, включая Единый центр хранения данных (ЕЦХД). Однако Савеловский суд отклонил её иск. В своем исковом заявлении Алена Попова пояснила, что в апреле 2018 года она устроила одиночный пикет у здания Государственной Думы Российской Федерации.

Несмотря на отсутствие достаточных доказательств её вины в организации и проведении несанкционированного массового мероприятия, Тверской районный суд привлек её к административной ответственности и наложил штраф.

Постановление о привлечении к административной ответственности и наложении административного штрафа было впоследствии обжаловано в вышестоящих судах. Судом было отказано в удовлетворении заявленных требований в полном объёме на следующем основании: «Департамент получает и обрабатывает изображения в ЕЦХД, руководствуясь ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей, что согласие гражданина на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображён) не требуется в случаях, когда:

- использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах.

- изображение гражданина получено при съёмке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования».

Согласно решению Савеловского суда, система видеонаблюдения применяет технологии распознавания лиц, однако не предоставляет возможность установить личность конкретного человека.

Суд пришел к заключению, что «технология распознавания лиц не является запрещенным методом использования информации ее владельцем». Это набор видеоаналитических алгоритмов, представляющих собой совокупность организационно-технических мер и действий, направленных на разработку и применение технических решений для предоставления услуг с использованием Единого центра хранения данных (ЕЦХД) и соответствующих основным задачам пользователей данного центра.

В соответствии с федеральным законом № 152-ФЗ «О персональных данных» предусмотрена разумная степень свободы использования механизма «обработка персональных данных/изображения». Департамент использует этот механизм для достижения законных целей, поскольку «государство вправе самостоятельно выбирать наиболее эффективные средства защиты прав граждан», как указано в мотивировочной части решения суда. Согласно изложенному, в качестве оператора Единого центра хранения данных (ЕЦХД) Департамент обладает необходимыми законными основаниями для приема-передачи, хранения и обработки видеoinформации любым законным методом.

Суд определил, что сами видеоизображения не подпадают под категорию биометрических персональных данных, следовательно, не требуется получение письменного согласия от человека на их обработку. С другой стороны, на практике полиция имеет полное законное право обрабатывать персональные данные граждан и вносить полученную информацию в базы данных [66].

Таким образом, реализация на практике законодательства о распознавании лиц в РФ является несовершенной. В действительности, многие нормы противоречат друг другу и расходятся с правоприменительной практикой. Изучение судебной практики показывает, что с появлением данной технологии начали возникать резонансные прецеденты, связанные с нарушением гражданских и политических прав граждан Российской Федерации. В связи с этим в научном сообществе ведутся широкие дискуссии о границах использования властными структурами цифровых технологий, способных, фактически, «преследовать» отдельных граждан и их объединения за политическую позицию и взгляды, что противоречит установленным в Основном законе государства демократическим принципам. Рассмотрим подобный случай в зарубежной практике.

21 ноября 2019 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса принял для рассмотрения жалобу жителя Кардиффа на решение нижестоящего суда, которое в сентябре текущего года признало законность правоохранительных служб Великобритании в использовании системы автоматического распознавания лиц (AFR) [5].

В исходном иске, поданном в суд Уэльса в мае того же года, отмечалось, что используемая технология сканирования лиц нарушает право граждан Великобритании на неприкосновенность частной жизни и нарушает законодательство в области защиты персональных данных.

«Мы проживаем не в авторитарном обществе, а в рамках демократии. Полиция приступила к использованию этой технологии против меня и тысяч других жителей моего района без предварительного уведомления или обсуждения», — подчеркивал заявитель Эд Бриджес. Адвокаты Бриджеса пояснили, что процесс сканирования лиц с последующим внесением биометрических данных в систему должен рассматриваться аналогично сбору ДНК или отпечатков пальцев без ведома или согласия человека, что представляет собой нарушение законодательства Великобритании. Однако ситуация усложняется отсутствием эффективного и соответствующего требованиям современности законодательного регулирования технологии AFR и её алгоритмов применения.

В полиции Южного Уэльса утверждали, что использование технологии AFR не нарушает прав граждан на неприкосновенность частной жизни и защиту данных. Они указывали, что данная технология аналогична любому снимку человека на камере в общественных местах, и полученные данные удаляются с серверов правоохранительных органов в течение 31 календарного дня. Представители полиции также подчеркивали, что в настоящее время разрабатываются принципы работы AFR, которые будут сбалансированы с учетом безопасности и конфиденциальности.

В Государственном департаменте США работает одна из крупнейших в мире систем распознавания лиц с базой данных из 117 миллионов взрослых американцев, фотографии которых обычно взяты из фотографий водительских прав. Хотя она все еще далека от завершения, ее используют в некоторых городах, чтобы дать представление о том, кто был на фотографии. ФБР использует фотографии как инструмент расследования, а не для положительной идентификации. По состоянию на 2016 год, распознавание лиц использовалось для идентификации людей на фотографиях, сделанных полицией в Сан-Диего и Лос-Анджелесе (не на видео в реальном времени, а только на фотографиях).

ФБР также внедрило свою программу идентификации следующего поколения, включающую распознавание лиц, а также более традиционные биометрические данные. Это отпечатки пальцев и сканирование радужной оболочки, которые могут быть получены как из уголовных, так и из гражданских баз данных. Федеральное управление общей подотчетности раскритиковало ФБР за то, что оно не решило различные проблемы, связанные с конфиденциальностью и точностью.

Начиная с 2018 года, таможенная и пограничная служба США внедрила «биометрические сканеры лица» в аэропортах США. Пассажиры, вылетающие международными рейсами, могут пройти регистрацию, проверку безопасности и посадку после получения изображений лиц и проверки их соответствия фотографиям, удостоверяющим личность, хранящимся в базе данных [12]. Изображения, сделанные путешественниками с гражданством США, будут удалены в течение 12 часов. Управление транспортной безопасности (TSA) выразило намерение внедрить аналогичную программу для внутренних авиаперевозок в процессе проверки безопасности в будущем. Американский союз защиты гражданских свобод является одной из организаций, выступающих против программы, поскольку программа будет использоваться в целях слежки.

В 2006 году китайское правительство инициировало проект Skynet по внедрению систем видеонаблюдения по всей стране, и по состоянию на 2018 год для этого проекта по всей стране было развернуто 20 миллионов камер, многие из которых способны распознавать лица в режиме реального времени. В 2017 году полиция Циндао

смогла идентифицировать двадцать пять разыскиваемых подозреваемых с помощью оборудования для распознавания лиц на Международном фестивале в Циндао, один из которых был в бегах в течение 10 лет [11].

В конце 2017 года Китай внедрил технологии распознавания лиц и искусственного интеллекта в Синьцзяне. Репортеры, посетившие регион, обнаружили камеры наблюдения, установленные примерно через каждые сто метров в нескольких городах, а также контрольно-пропускные пункты распознавания лиц в таких местах, как запра-вочные станции, торговые центры. В феврале 2020 года, после вспышки коронавируса, Megvii обратилась за банковским кредитом для оптимизации системы скрининга температуры тела, которую она запустила, чтобы помочь выявлять людей с симптомами коронавирусной инфекции в толпе.

Многие общественные места в Китае оснащены оборудованием для распознавания лиц, включая железнодорожные вокзалы, аэропорты, туристические достопримечательности, выставки и офисные здания. В октябре 2019 года профессор Чжэцзянского научно-технического университета подал в суд на сафари-парк Ханчжоу за злоупотребление личной биометрической информацией клиентов. Сафари-парк использует технологию распознавания лиц для проверки личности владельцев своих годичных карточек [14].

Применение системы распознавания лиц является фактором социального беспокойства даже в развитых технологичных странах. Китай является ярким примером, поскольку в 2019 году протестующие в Гонконге разрушили умные фонарные столбы из-за опасений, что на них могут быть установлены камеры и система распознавания лиц, используемые китайскими властями для наблюдения.

Таким образом, как показывает изученная информация, судебная практика зарубежных государств также не является совершенной. Некоторые государства вводят ограничения на применение технологии распознавания лиц в связи с нарушением гражданских свобод населения. Другие же страны, в частности Китай, внедряют данную технологию в самые разнообразные сферы общественной жизни, используют как инструмент контроля над населением страны. Данный факт выступает катализатором роста социальной напряженности, что нарушает политическую стабильность.

Государство, в основе которого лежат права человека и свобода личности, прежде всего, должно гарантировать надежные способы шифрования и последующего уничтожения информации. Следовательно, реализация на практике данного принципа зависит напрямую от идеологии государственной власти. Авторитарные государства получают возможность, собирая информацию о гражданах, напрямую следить за ними через различные системы.

Исследование научной группы Кембриджского университета выявило, что использование систем распознавания лиц в реальном времени (LFR) полицией Великобритании не соответствует минимальным этическим и правовым стандартам. Ученые проанализировали применение данной системы правоохранными органами Лондона и их коллегами в Южном Уэльсе при помощи собственного инструмента аудита.

Исследователи пришли к выводу, что использование технологии LFR следует полностью исключить. Система сравнивает лица, снятые с камер, с фотографиями из базы данных для выявления совпадений. Некоторые авторитарные страны применяют данную технологию в качестве инструмента государственного контроля над граждан-

ским населением. В 2020 году полиция Великобритании начала испытывать данную систему с целью борьбы с преступностью и терроризмом. Правоохранители использовали технологию LFR для сканирования толпы с целью выявления преступников, находящихся в списке наблюдения.

Группа исследователей обнаружила, что полиция утаивала информацию об использовании данной системы. «В то же время отсутствуют надежные механизмы компенсации ущерба, причиненного отдельным лицам и сообществам, пострадавшим от применения правоохранителями этой технологии», – заявила главная автор исследования Эвани Радия-Диксит. Тем не менее, она отметила, что полицейские не обязаны нести ответственность за ущерб, вызванный использованием технологии распознавания лиц [13].

Исследователи выявили проблемы в функционировании системы, связанные с расовым профилированием и отсутствием эффективных механизмов ответственности за её использование. В июле правительство Великобритании отклонило предложение комитета юстиции и внутренних дел Палаты лордов относительно применения полицейской системы распознавания лиц [13].

Анализ как отечественной, так и зарубежной практики показал, что вопрос распознавания лиц осложняется отсутствием эффективной и отвечающей запросам сегодняшнего дня нормативной базы для регулирования технологии. В современном обществе распознавание лиц в целях обеспечения правопорядка представляет собой актуальную проблему, которая требует серьезного правового регулирования. Основной задачей такого распознавания является идентификация подозреваемых лиц или лиц, совершающих правонарушения, с целью предотвращения преступлений, обеспечения безопасности общества и установления правосудия. Однако, несмотря на потенциальные выгоды, использование технологий распознавания лиц вызывает ряд серьезных проблем с точки зрения правового регулирования.

Одной из основных проблем является вопрос о защите личных данных граждан. Распознавание лиц может включать в себя сбор и хранение большого объема биометрических данных, таких как изображения лиц, которые могут быть рассмотрены как чувствительная личная информация. Это вызывает опасения относительно возможности злоупотребления этой информацией и нарушения прав на приватность граждан.

Второй проблемой является потенциальное нарушение принципа презумпции невиновности. При использовании технологий распознавания лиц существует риск ложных срабатываний, когда невиновные люди могут быть ошибочно идентифицированы как преступники. Это может привести к неправомерному преследованию и ограничению прав таких лиц.

Третья проблема связана с отсутствием четких норм и стандартов в области использования и хранения биометрических данных. В некоторых случаях правовые рамки могут быть недостаточно развитыми или неоднозначными, что может привести к произволу со стороны уполномоченных органов и нарушению законных прав граждан.

Четвертая проблема состоит в возможности злоупотребления технологиями распознавания лиц для массового слежения за гражданами и подавления политических свобод. Использование таких технологий государственными структурами может привести к созданию общества контроля и нарушению демократических принципов.

В целом, необходимо разработать более строгие и эффективные правовые механизмы для регулирования использования технологий распознавания лиц с целью обеспечения правопорядка. Это включает в себя установление четких правил сбора, хранения и использования биометрических данных, защиту личной жизни и принципов справедливого судебного процесса, а также контроль за деятельностью правоохранительных органов и предотвращение злоупотреблений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // СПС «Консультант Плюс».

3. Постановление Правительства РФ от 16.07.2016 № 678 «О требованиях по обеспечению транспортной безопасности, в том числе требованиях к антитеррористической защищенности объектов (территорий), учитывающих уровни безопасности для различных категорий объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств морского и речного транспорта» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 31. Ст. 5012.

4. Апелляционное определение Ульяновского областного суда по делу №22-374/2023 от 1 марта 2023 года в отношении Эбеккуева А.Х. – URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=104961> (дата обращения 20.03.2024)

5. Решение Савёловского районного суда по делу 02а-0577/2019 в отношении Поповой А.В. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc> (дата обращения 16.03.2024)

6. Апелляционный суд Англии изучит законность использования системы распознавания лиц / Российское агентство правовой и судебной информации – РАПСИ https://rapsi-pravo.ru/international_news/20191121/305078513.html (дата обращения: 11.02.2024).

7. Гаврилов Б.Я. Правоохранительные органы России: учебник для вузов / Б. Я. Гаврилов [и др.] ; под общей редакцией Б. Я. Гаврилова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 344 с. (Высшее образование). ISBN 978-5-534-16343-8. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/535422> (дата обращения: 11.02.2024).

8. Колоткина, О. А. Право личности на безопасность: понятие и механизмы обеспечения в РФ: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Колоткина Оксана Анатольевна; Саратов. гос. акад. права. Екатеринбург, 2009. 215 с.

9. Хазов Е.Н. Юридические гарантии прав и свобод человека и гражданина и механизм их реализации // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 120-123.

10. Ховавко С. М. Теоретико-правовые и организационные основы технического отождествления личности на основе биометрической идентификации в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России.

2022. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-i-organizatsionnye-osnovy-tehnicheskogo-otzhdestvleniya-lichnosti-na-osnove-biometricheskoy-identifikatsii-v> (дата обращения: 10.02.2024).

11. Суд отклонил иск москвички о признании незаконной системы распознавания лиц - РИА Новости, 06.11.2019 <https://ria.ru/20191106/1560629920.html> (дата обращения: 11.02.2024).

12. A lawsuit against face-scans in China could have big consequences. The Economist. November 9, 2019. – URL: <https://www.economist.com/china/2019/11/09/a-lawsuit-against-face-scans-in-china-could-have-big-consequences> (дата обращения 16.03.2024)

13. Face Recognition based Smart Attendance System Using IoT. International Research Journal of Engineering and Technology. 9 (3): 5. March 2022. – URL: <https://www.irjet.net/archives/V9/i3/IRJET-V9I333.pdf> (дата обращения 18.03.2024)

14. Radiya-Dixit, Evani. A Sociotechnical Audit: Assessing Police Use of Facial Recognition (Cambridge: Minderoo Centre for Technology and Democracy, 2022). – URL: <https://doi.org/10.17863/CAM.89953> (дата обращения 18.03.2024)

References

1. Federal Law No. 152-FZ dated 07/27/2006 (as amended on 02/06/2023) «On Personal Data» // SPS Consultant Plus.

2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/16/2016 No. 678 "On Requirements for ensuring transport security, including requirements for anti-terrorist protection of objects (territories) that take into account security levels for various categories of transport infrastructure facilities and sea and river transport vehicles" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2016. No. 31. St. 5012.

3. The official statement of the Ulyanovsk Regional Court in case No. 22-374/2023 dated March 1, 2023 in respect of A.A. Bekkueva – URL: <http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=104961> (accessed 03/20/2024)

4. The statement of the Savlovsky District Court in the case 02a-0577/2019 on behalf of the President A.V. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc> (accessed 03/16/2024)

5. The Court of Appeal of England will examine the legality of using the facial recognition system / Russian Agency for Legal and Judicial Information – https://rapsi-pravo.ru/international_news/20191121/305078513.html RAPSI (date of application: 02/11/2024).

6. Gavrilov B.Ya. Law enforcement agencies of Russia: textbook for universities / B. Ya. Gavrilov [et al.]; edited by B. Ya. Gavrilov. 7th ed., reprint. and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. 344 p. (Higher education). ISBN 978-5-534-16343-8. Text : electronic // Educational platform [website]. <https://urait.ru/bcode/535422> (date of appeal: 02/11/2024).

7. Khazov E.N. Legal guarantees of human and civil rights and freedoms and the mechanism of their implementation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 5. pp. 120-123.

8. Kolotkina, O. A. The right of the individual to security: the concept and mechanisms of security in the Russian Federation: theoretical and legal research: dissertation of the candidate. Jurid. sciences': 12.00.01 / Kolotkina Oksana Anatolyevna; Saratov State Academy of Sciences. rights. Yekaterinburg, 2009. – 215 p.

9. Suddenly I heard from a Muscovite about the appearance of an unknown warning system, 06.11.2019 <https://ria.ru/20191106/1560629920.html> (date of application: 02/11/2024).

10. A lawsuit against face scanning in China could have serious consequences. The economic crisis. November 9, 2019 – URL: <https://www.economist.com/china/2019/11/09/a-lawsuit-against-face-scans-in-china-could-have-big-consequences> (accessed 03/16/2024)

11. Intelligent attendance system based on face recognition using the Internet of Things. International Scientific Research Journal of Engineering and Technology. 9 (3): 5. March 2022. URL: <https://www.irjet.net/archives/V9/i3/IRJET-V9I333.pdf> (accessed 03/18/2024)

12. Radium-Dixit, Evani. Sociotechnical Audit: Assessment of the use of facial recognition techniques by the police (Cambridge: Minderu Center for Technology and Democracy, 2022). URL: <https://doi.org/10.17863/CAM.89953> (accessed 03/18/2024)

НАШИ АВТОРЫ

Алонцева Дина Викторовна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: dina.alontseva@mail.ru

Калягина Валентина Николаевна, обучающаяся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: valentina.obraszowa@yandex.ru

Каюков Вячеслав Александрович, обучающийся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: Trbl14@bk.ru

Лаврищева Ольга Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин МИРЭА – Российский технологический университет (Москва, Россия); почтовый адрес: 119454, ЦФО, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 78; электронная почта: lavrishcheva-olga@mail.ru

Литвинов Владимир Петрович, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета И.А. Бунина, (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; старший научный сотрудник Института стратегического анализа и прогноза Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина (Бишкек, Кыргызская Республика), почтовый адрес: 720065, Кыргызская Республика, г. Бишкек, Киевская ул., 44; электронная почта: vladlenli@yandex.ru

Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия); почтовый адрес: 308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85; электронная почта: markheim@bsu.edu.ru

Назрицкая Татьяна Сергеевна, аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия); почтовый адрес: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 2; электронная почта: t2211n@yandex.ru

Новикова Алевтина Евгеньевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия); почтовый адрес: 308015, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, 85; электронная почта: Novikova_A@bsu.edu.ru

Перепелица Мария Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции им. В.Г. Ермакова Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: perepelitsa.doc@gmail.com

Пряжников Павел Владимирович, обучающийся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: oksid2001@mail.ru

Санка Мохаммед, доктор права (PhD), профессор, руководитель центра исследований мира и безопасности Университета исследований в области развития, доктор права, профессор (Тамале, Гана); электронная почта: mohammed.sanka@gmail.com

Шайрян Гергий Павлович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, руководитель Департамента общегуманитарных и естественно-научных дисциплин АНО ВО «Международной академии бизнеса и управления» (Москва, Россия); почтовый адрес: 129594 Москва, 5-й проезд Марьиной Рощи, 15а; электронная почта: georg5219@mail.ru

Шачков Геннадий Васильевич, обучающийся по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина (Елец, Россия); почтовый адрес: 399770, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28; электронная почта: Gennady91@mail.ru

OUR AUTHORS

Alevtina E. Novikova, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia); Postal address: 308015, Belgorod region, Belgorod, Pobedy str., 85; e-mail: Novikova_A@bsu.edu.ru

Dina V. Alontseva, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov, Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: dina.alontseva@mail.ru

Gennady V. Shachkov, studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: Gennady91@mail.ru

Gergiy P. Shayryan, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of General Humanitarian and Natural Science Sciences of the International Academy of Business and Management (Moscow, Russia); Postal address: 129594 Moscow, 5th Passage of Maryina Grove, 15a; e-mail: georg5219@mail.ru

Maria A. Perepelitsa, Doctor of Law, Professor of the Department of Jurisprudence named after V.G. Ermakov Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: perepelitsa.doc@gmail.com

Marina V. Markhegym, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia); Postal address: 308015, Belgorod region, Belgorod, Pobedy str., 85; e-mail: markheim@bsu.edu.ru

Olga A. Lavrishcheva, k-t jurid. Associate Professor of the Department of Public Law Disciplines MIREA - Russian Technological University (Moscow, Russia); Postal address: 119454 Moscow, Central Federal District, Vernadsky Avenue 78; e-mail: lavrishcheva-olga@mail.ru

Pavel V. Pryazhnikov, studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: oksid2001@mail.ru

Sankah Mohammed, Doctor of Law (PhD), Professor, Head of the Center for Peace and Security Studies at the University of Development Studies, Doctor of Law, Professor (Tamale, Ghana); e-mail: mohammed.sanka@gmail.com

Tatyana S. Nazritskaya, Postgraduate student of the Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Investigative Activities of the O.E. Kutafin University (MGUA) (Moscow, Russia); Postal address: 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, p. 2; e-mail: t2211n@yandex.ru

Valentina. O. Kaliagina, studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: valentina.obraszowa@yandex.ru

Vladimir P. Litvinov, Doctor of Sc. (History), Associate professor at the Department of History and Historical and Cultural Heritage of Bunin Yelets State University (Yelets, Rus-

sia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street;; senior researcher at the Institute of Strategic Analysis and Forecasting, Kyrgyz-Russian Slavic University (Bishkek, Kyrgyz Republic); Postal address: 720065, Bishkek, 44 Kievskaya str., Kyrgyz Republic, e-mail: vladlenli@yandex.ru

Vyacheslav A. Kaukov, studying in the field of training 40.04.01 Jurisprudence Bunin Yelets State University (Yelets, Russia); Postal address: 399770, Yelets, 28, Kommunarov Street; e-mail: Trb114@bk.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Адрес редакции: 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, д. 28.
Телефон: 8(47467) 2-26-27 (ответственный секретарь – Юлия Андреевна Чернышева).

E-mail: jurn.book@yandex.ru

Журнал «Вопросы государства и права» является научным журналом, в котором рассматриваются актуальные теоретические и практические проблемы становления и развития государства и права, истории политической и правовой мысли, актуальные аспекты права и правоприменения на современном этапе.

Журнал издается с 2023 года. Журнал учрежден Елецким государственным университетом имени И.А. Бунина, является подписным периодическим научным изданием. Выходят 4 номера в год.

Полные требования к публикации размещены на сайте https://elsu.ru/state_lav/

INFORMATION FOR AUTHORS

Address of the editorial office: 399770, Lipetsk region, Yelets, 28, Kommunarov Street.

Tel. 8(47467) 2-26-27 (executive secretary – Yuliya A. Chernysheva).

E-mail: : jurn.book@yandex.ru

Journal "Questions of State and Law " is a scientific journal, which examines the current theoretical and practical problems of the formation and development of state and law, the history of political and legal thought, current aspects of law and law enforcement at the present stage.

The magazine has been published since 2023. Journal was founded by Bunin Yelets State University and is a subscription scientific periodical. Four issues a year come out.

Full information is presented on site https://elsu.ru/state_lav/

Научный журнал

Вопросы государства и права
№ 2 (5) / 2024

Редактор – С.Е. Гридчина
Техническое исполнение – В.М. Гришин

Знак информационной продукции 12+

Подписано в печать 20.06.2024
Дата выхода в свет 21.06.2024
Бумага 51,0 п.л. Формат А-4. Гарнитура Times.
Печать трафаретная
Тираж 1000 экз. Заказ № 34
Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1
E-mail: jurn.book@yandex.ru
Сайт редколлегии: https://elsu.ru/state_lav/redkol/

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина
399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, Липецкая область, г. Елец, Коммунаров, 28,1